

Nakurzew. St. Trzebecki.

СТАНИСЛАВЪ ТРЕМБЕЦКІЙ,

замѣчательнѣйшій сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII вѣка.

Въ польской литературѣ, какъ и въ польскомъ государствѣ конца прошлаго столѣтія, рѣзко выдѣляются сторонники Россіи и Западной Европы: первые чаяли спасенія Польши отъ насъ и черезъ насъ, вторые возлагали свои надежды на западно-европейскія государства и не стыдились искать помощи даже у мусульманской Турціи. Эта раздвоенность польскаго общества выразилась преимущественно въ литературѣ политической; но она отразилась и въ поэзіи. Между замѣчательнѣйшими поэтами того времени Трембецкій и Карпинскій были сторонниками Россіи, Красицкій и Нѣмцевичъ—ея врагами.

Знаменитый сатирикъ Игнатій Красицкій князь-бискупъ вармійскій, въ изданной имъ въ 1775 году сатирико-аллегорической поэмѣ «Мышеида» представилъ въ образѣ котовъ, враговъ мышей,—русскихъ; подъ котомъ Мручиславомъ понимаютъ русскаго посла, князя Рѣнина, подъ княжною-Духною—Екатерину II, подъ Попелемъ—Станислава Августа и т. д. Цѣлью поэта было опозорить польскаго короля за то, что, вопреки его совѣтамъ, онъ искалъ поддержки и помощи въ Россіи.

Страстный, увлекающійся поэтъ, Урсинъ Нѣмцевичъ, адъютантъ сначала князя Адама Чарторыскаго, а потомъ Косцюшки, въ своихъ сатирахъ, басняхъ и думахъ часто несправедливо винить насъ въ гибели своего отечества и проповѣдуетъ противъ насъ крестовый походъ.

Совершенно иного направленія — Францискъ Карпинскій, прозванный поэтомъ сердца, и Станиславъ Трембецкій, котораго Мицкевичъ называетъ величайшимъ поэтомъ въ польской литературѣ времени Станислава Августа.

т. II 78.

Къ сожалѣнію, тотъ-же Мицкевичъ, который удивлялся уму и поэтическимъ дарованіямъ Трембецкаго, который называлъ его совершеннѣйшимъ по внѣшней формѣ поэтомъ во всемъ славянскомъ мірѣ, тотъ-же самый Мицкевичъ, какъ эмигрантъ, читавшій лекціи преимущественно для польской эмиграціи и въ ея пользу, не могъ или не смѣлъ оцѣнить по достоинству содержаніе произведеній Трембецкаго, обозвалъ его поэтомъ не народнымъ, не славянскимъ, льстецомъ, прислуживавшимся Станиславу Августу и Екатеринѣ II.

Мнѣніе Мицкевича было безпрекословно принято польскими литературными критиками и вошло въ учебники; оно проникло и въ нашу литературу: г. Спасовичъ въ своемъ извѣстномъ историческомъ очеркѣ польской литературы даже превзошелъ Мицкевича въ брани и клеветѣ, которыя онъ такъ немилосердно сыплетъ на Трембецкаго: онъ обвиняетъ польскаго поэта въ литературной продажности, въ измѣнѣ отечеву, въ славянофильствѣ, его эпиграммы называетъ грубыми и плоскими, а политическія пьесы—поэтическими доносами.

Прискорбно читать подобныя мнѣнія въ единственномъ у насъ руководствѣ по исторіи славянскихъ литературъ.

Чтобы произнести безпристрастный приговоръ надъ Трембецкимъ, необходимо ознакомиться съ его жизнью и съ обществомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ, а его произведенія разсматривать, какъ одно изъ явленій въ польской литературѣ конца прошлаго столѣтія. Иначе невозможно выяснитъ личность Трембецкаго и его литературную дѣятельность.

О жизни Трембецкаго намъ извѣстно очень мало. Онъ родился въ 1723 году въ краковѣ.

1

7483

<http://rcin.org.pl>

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 78
Tel. 26-68-63

скомъ воеводствѣ и получилъ воспитаніе въ домѣ родителей, принадлежавшихъ къ богатой шляхтѣ. Подъ чьимъ руководствомъ и подъ какими влияніями воспитался Трембецкій, можно только догадываться по нѣкоторымъ намѣкамъ въ одномъ изъ его стихотвореній, по отзыву Мицкевича объ его познаніяхъ и по современнымъ извѣстіямъ о системѣ воспитанія въ Польшѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Извѣстно, что въ это время воспитаніе въ Польшѣ было въ рукахъ іезуитовъ, что они не только содержали публичныя школы, но также руководили домашнимъ воспитаніемъ богатой шляхты. Весьма мало помышляя о развитіи ума своихъ воспитанниковъ (кромѣ латыни и богословія, они ни чему не обучали), они старались дѣйствовать на ихъ сердце: пользуясь шляхетскою слабостью, они съ одной стороны внушали своимъ воспитанникамъ съ малолѣтства презрѣніе къ низшимъ сословіямъ, а съ другой такъ искусно вліяли на нихъ, что они становились на всю жизнь ихъ приверженцами. Кажется, не избѣжалъ ихъ вліянія Трембецкій: по крайности иначе я не могу объяснить себѣ его оду на паденіе ордена іезуитовъ (1773 г.), въ которой онъ говоритъ: «Чье-же чувствительное сердце теперь не заболитъ? Гибнетъ славный орденъ въ послѣдней недолѣ, — благородный и благочестивый, чистый отъ чужой крови. Надъ его судьбою долженъ вздохнуть жансенистъ. По какой причинѣ, возлюбленные отцы, преслѣдуетъ васъ этотъ Ганганелли? Вѣдь, вы же распространяли его власть, а вашъ разумъ не охлаждалъ вѣры. Чего не докажутъ ретивыя головы, то сдѣлала ваша наука: узнавъ устройство неба, люди познали строителя. Свѣтъ чувствуетъ вашу утрату... Обращенныя въ вѣру вашими трудами, любили, какъ отца, милостиваго Создателя. Сыны Лойлы тѣмъ на свѣтѣ славятся, что изъ нихъ была тысяча мучениковъ и ни одного палача»... Зная, что такая похвальная ода іезуитамъ произведетъ дурное впечатлѣніе на современниковъ, поэтъ обращается къ потомкамъ съ слѣдующими словами: «Если этотъ стихъ мой, случайно, будутъ читать потомки, то они при-

знаютъ, что эти умѣренные похвалы не имѣютъ тѣни лести. Не фанатизмъ воспламенялъ мою голову: совѣсть шептала, что я пишу»...

Эту похвальную оду іезуитамъ, написанную въ то время, когда ихъ орденъ былъ уничтоженъ напою Каиментомъ XIV, когда они были лишены всѣхъ своихъ богатствъ и изгнаны изъ Польши, объяснять литературной продажностью Трембецкаго (въ то время уже камергера) — по меньшей мѣрѣ странно. Откуда-же могла у него взяться такая привязанность къ іезуитамъ? Конечно, ни Парижъ, ни дворъ Станислава Августа не могли сдѣлать его приверженцемъ іезуитовъ. Тутъ сказалось неизгладимое впечатлѣніе юности. Нѣтъ ничего легче предположить, какъ вліяніе ученаго іезуита, передавшаго Трембецкому вмѣстѣ съ основательнымъ званіемъ римской литературы (за которое такъ хвалить его Мицкевичъ) уваженіе къ его ордену.

Нѣтъ сомнѣнія, что, по обычаю того времени, при Трембецкомъ находился, въ качествѣ гувернера, какой нибудь французикъ въ родѣ М-г Damon'a, такъ комично изображеннаго Красицкимъ въ «Приключеніяхъ Досвядчинскаго». Сомнѣваться въ этомъ мы не можемъ, потому что Трембецкій получилъ модное воспитаніе: превосходно зналъ французскій языкъ и свое образованіе довершилъ въ Парижѣ.

Мицкевичъ увѣряетъ, что Трембецкій основательно зналъ славянскія нарѣчія. Трудно этому повѣрить. Гдѣ могъ онъ научиться имъ? — Такого знанія нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ его произведеніяхъ.

Образъ жизни, господствовавшій въ то время въ панскихъ домахъ, остался, конечно, не безъ вліянія на Трембецкаго. Извѣстна польская поговорка: *Za krola sasa jedli, pili, rozpyszczali rasa* (при королѣ саксонцѣ ѣли, пили, распускали пояса). Король Августъ II и его дворъ давали дурной примѣръ изнѣженности и разврата. Во время многолѣтняго мира шляхта облѣнилась и проводила дни и ночи въ попойкахъ, сопровождавшихся дракою и даже убійствами: часто на скатерти было пролито столько-же крови, сколько вина. Обжоры, пьяницы, забіяки и всякаго рода безобразники считались героями, были

идеалами шляхты. Какъ-бы ни согрѣшилъ шляхтичь, его духовникъ (у пановъ—іезуитъ, у шляхты-францисканецъ, капуцинъ, бернардинъ и т. п.) легко отпускалъ ему грѣхи, если только онъ былъ щедръ къ костѣламъ и монастырямъ и въ праздники бывалъ у мши. Ханжество замѣнило христіанское благочестіе. Надменные паны, управлявшіе судьбами королевства и народа, окружали себя толпою дармоѣдовъ изъ мелкой шляхты—послушныхъ слугъ, готовыхъ изъ угожденія пану на всякія безчинства и преступленія. Судъ бездѣйствовалъ, и судьи—взятчики и пьяницы повиновались панской волѣ. Все, что было ниже шляхты, находилось въ презрительномъ униженіи, а хлопы были безправными рабами: съ ними обращались хуже, чѣмъ со скотомъ. Паны дѣлились на партіи, враждовавшія между собою не изъ политическихъ видовъ, а изъ корысти и честолюбія. Таково было, по описанію современниковъ, состояніе польскаго общества, среди котораго выросъ Трембецкій.

Послѣ такой подготовки Трембецкій пустился странствовать, объѣхалъ почти всю Европу и долго жилъ въ Парижѣ. Благодаря модному воспитанію въ духѣ французскомъ, уму и талантамъ, а также рыцарскимъ обычаямъ, какъ выражаются польскіе литературные критики, онъ обратилъ на себя вниманіе высшаго парижскаго общества и получилъ доступъ ко двору Людовика XV. Онъ былъ ослѣпленъ блескомъ королевскаго двора, а господствовавшіе при немъ и въ высшемъ обществѣ эпикуреизмъ, атеизмъ, и скептицизмъ энциклопедистовъ вполне пришлись ему понутру, и онъ всецѣло предался свѣтской жизни, сталъ отчаяннымъ гулякою и поклонникомъ прекраснаго пола, изъ за котораго, по собственному признанію, имѣлъ тридцать дуэлей. Съ тѣхъ поръ на всю жизнь онъ остался эпикурейцемъ, какъ видно изъ анакреонтическихъ стиховъ, писанныхъ имъ по возвращеніи на родину, даже подъ старость. Такъ напримѣръ, принимая чашу вина изъ прекрасныхъ ручекъ, онъ восклицаетъ: «Сочетанія прелестей, образцы красоты, пани, королевы, богини! пусть ваше око проникнетъ глубоко, не осуждая игрока по

наружности.—Суровое время убѣдило мнѣ волю и провело по лицу разныя борозды, но въ вознагражденіе за такой ущербъ увеличило сердечный пылъ.—Такъ сѣдая Гекла покрываетъ снѣгомъ свои огненные пещеры: вершина ея подо льдомъ, подошва ея въ зелени, а внутри ея вѣчный огонь.—Плыви потокомъ, Вакхова влага, налитая благосклонною рукою: наполняя чашу въ честь вашу, масломъ тушу огонь».

Такимъ-же юношескимъ пыломъ подъ старость лѣтъ хвалится поэтъ въ посланіи въ какой-то прелестной Феклѣ: «Кто въ состояніи по достоинству оцѣнить сокровища твоихъ драгоценныхъ даровъ? на этой бумажкѣ я сегодня готовъ перечислить хотя нѣкоторые.—Ты услаждаешь наши труды, переполненные ежедневною скукою, гдѣ ты находишься, тамъ самые пріятные для насъ вечера.—Возможно-ли передать словами твои прелести?—рѣчь твою умную, благородныя поступки?—На челѣ твоемъ—образъ свѣтлыхъ мыслей; цвѣтъ лица—дѣвственный; глаза говорятъ, а манеры прстойныя, пріятныя, невинныя.—И тѣ, что помоложе, и тѣ, что постарше, и тѣ, что гнутся подъ тяжестью лѣтъ, всё мы тебя любимъ. Люблю въ моихъ устахъ смѣшить дамъ, полагающихъ, что я уже черезъ чуръ состарѣлся.—Лысая отъ льдовъ, сѣдая отъ снѣговъ, а внутри полная отня—Гекла-настоящая моя ровесница: пусть этому повѣритъ Фекла».

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести довольно много въ доказательство того, что до старости Трембецкій сохранилъ свои парижскія привычки.

Не удивительно, что Трембецкій, проживъ долгое время въ Парижѣ, писалъ по-французски также легко, какъ и по-польски.

Проживъ за границею все свое состояніе, Трембецкій возвратился на родину, когда на польскомъ престолѣ сидѣлъ Станиславъ Августъ, слѣдовательно не раньше конца 1764 года, а въ такомъ случаѣ ему было уже за 40 лѣтъ.

Небогатый стольникъ литовскій, графъ Станиславъ Понатовскій, какъ извѣстно, былъ креатурою императрицы Екатерины II. Уго-

ворившись съ прусскимъ королемъ, Фридрихомъ II, она возвела его на польскій престолъ, полагая, что онъ будетъ служить ея планамъ вѣрнѣе, чѣмъ Чарторыскіе, богатые и вліятельныя паны, разсчитывавшіе на свои средства для пріобрѣтенія королевской короны.

Молодой король, отличавшійся блистательнымъ образованіемъ и остроуміемъ, очаровательнымъ великосвѣтскимъ обращеніемъ, и при томъ преисполненный патриотическихъ замысловъ, съ перваго-же раза привлекъ къ себѣ сердца поляковъ. Все, что было лучшаго въ Польшѣ—по знатности происхожденія, богатству, уму и образованію окружило короля. Покровительствуя наукамъ, литературѣ и искусствамъ, онъ искалъ сближенія съ учеными, писателями и художниками и съ этою цѣлью устроилъ у себя четверговыя обѣды, на которыхъ самъ болѣе другихъ блисталъ знаніями и остроуміемъ. На этихъ обѣдахъ бывали такія литературныя знаменитости, какъ Красицкій, Нарушевичъ и—нашъ Трембецкій, пожалованный въ камергеры. Учено-литературный ареопагъ, собиравшійся у короля на четверговыхъ обѣдахъ, жилъ въ согласіи, пока не сталъ появляться на нихъ молодой камергеръ, Каэтанъ Венгерскій. Желчный сатирикъ, онъ избралъ предметомъ своихъ насмѣшекъ нѣкоего Осипа Бѣлявскаго, также бывавшаго у короля. Когда появилась комедія Бѣлявскаго «Нахалы» (Nacęci), написанная имъ по приказанію Станислава Августа для представленія въ день открытія народнаго театра (1775), Венгерскій осмѣялъ его въ посланіи къ своему родственнику ксендзу Венгерскому: «отъ Балтійскаго моря до снѣжныхъ татръ знаютъ, что Бѣлявскій открылъ театръ, и справедливо онъ гордится такою неизмѣрною честью, ибо, какъ говорятъ, онъ исполнялъ тогда должность привратника»... Трембецкій вступился за честь Бѣлявскаго и отвѣчалъ Венгерскому острою эпиграмою: «Я бы тебя не узналъ, но выдало тебя перо, которое плохо повенгерски переодѣло Вольтера. Жаль мнѣ его судьбы, ибо въ такой смѣшной одеждѣ онъ пойдетъ на палильоты темнаго покоя». Но Венгерскій не унимался, и на одномъ изъ

четверговыхъ обѣдовъ продекламировалъ эпиграфю Бѣлявскому: «Здѣсь лежитъ Бѣлявскій, читите эту тишь, ибо какъ только пробудится, комедію напишетъ».

Бѣлявскій, какъ человекъ и какъ писатель, не заслуживалъ такихъ злыхъ остротъ, а потому Трембецкій вторично отъ его имени отвѣчалъ Венгерскому, и на этотъ разъ довольно длиннымъ посланіемъ: «Легкомысленный молокососъ! разъ отразивъ твое высокомерное нападеніе, я сталъ смотрѣть на тебя съ презрѣніемъ; но такъ какъ твоему своеволю нѣтъ конца, беру перо для защиты себя и другихъ. Ударъ твой не силенъ, не нанесетъ онъ раны, и не потокомъ жолчи я смою обиды; но, жалѣя твою безпутную молодость, хочу тебя вывести изъ заблужденій и тщетной гордости. Пусть пустые люди, бѣгая изъ дома въ домъ, даютъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ собою: отъ этого нѣтъ никому вреда. Если ты считаешь нужнымъ подражать имъ, то, вѣдь, мы терпимъ Перковскаго, —отъ чего-жъ не терпѣть и тебя? Однакожъ знайте мѣру въ вашихъ порывахъ, чтобъ не заслужить порицанія и кары. Вѣдь, когда вы выходите изъ границъ, его выговяютъ изъ костеловъ, а тебя изъ хорошихъ домовъ. Что дѣлать съ животнымъ, которое въ бѣшенствѣ кусаетъ всѣхъ?—Повѣрь мнѣ, переписывай лучше приказы и письма, если имѣешь жалованье и должность писца; кради шутки у Вольтера, и иди съ нимъ въ парѣ, какъ съ Рафаелемъ сохальскіе маляры. Но зависть не даетъ тебѣ спать; желая сравняться съ нами, не способный подняться, ты другихъ унижаешь. Отъ Балтійскаго моря до снѣжныхъ татръ знаютъ, что я открылъ первый польскій театръ, гдѣ въ стихахъ я осмѣялъ пороки, а не личности. Я представилъ портретъ подольскаго генерала ¹⁾, великодушіе котораго превозноситъ Польша. Напрасно и тутъ зависть старается меня порицать: кто посмотритъ на портретъ, никто не ошибется. Я передалъ потомкамъ доблести Изабеллы ²⁾, изобразилъ ея прелести и прекрасныя качества, и если въ дѣйствительности мои стихи калѣки, то это безсмертное

¹⁾ Князь Михаилъ Чарторыскій.

²⁾ Чарторыской, жены генерала М. Чарторыскаго.

имя дастъ имъ жить на вѣки. Писалъ я и пѣсенки, и прекрасныя глазки, налагающіе оковы, получили отъ меня надлежащую дань.

Много другихъ стихотвореній я писалъ для собственнаго удовольствія, но никогда не покушался на чужую славу: кому и когда злорѣчили мои уста? развѣ въ ту страшную ночь, когда конфедераты покушались на жизнь Августа. А ты, братецъ, что говоришь ко мнѣ такъ свысока, написалъ-ли хоть что нибудь, что выдержало-бы мою критику? Вишь, какая важность, что перевелъ прозою Мармонтеля ничтожную повѣстунку для дьячковъ. Знаемъ также, что твоя знаменитая муза писала стихи, которыхъ никто не читаетъ. Ахиллъ стоилъ того, чтобы Гомеръ передалъ память о немъ грядущимъ вѣкамъ; Гомеръ стоилъ быть пѣвцемъ такого богатыря: одинъ другаго стоилъ, оба были бессмертны, а ты стоишь органистовъ, органисты тебя. Воспѣвай же себѣ пѣвчихъ и дьячковъ, для нихъ только пристойны твое остроуміе и твой слогъ, а насъ оставь въ покоѣ; ибо къ тебѣ примѣнима сказка о мужикѣ, который хотѣлъ укутить терпугъ. Если-же въ комъ замѣтишь рѣдкій даръ ума, не нападай на него. Пусть опытъ научить тебя быть умнѣе: когда ты такъ усердно злословилъ Досвѣтчинскаго, вѣдь ты едва не почувствовалъ чужой руки на твоемъ лицѣ. Писатель укротить тебя перомъ, а сильные міра сего быть можетъ, прибѣгнутъ къ иной карѣ. А очень было-бы мнѣ жаль, если бы поэту, злословящему достойныхъ людей, досталось по спинѣ».

Кто не знаетъ Венгерскаго, тому посланіе Трембецкаго можетъ показаться желчною, даже неприличною сатирою; но Венгерскій въ дѣйствительности былъ такимъ, какимъ изобразилъ его Трембецкій. Воспитанникъ варшавскихъ іезуитовъ и театиновъ, онъ рано началъ свою литературную карьеру: когда ему было только 18 лѣтъ, онъ грубо осмѣялъ ксендзовъ и церковный причтъ въ поэмѣ, которую назвалъ герою-комическою, подъ заглавіемъ «Органы», написанною въ подражаніе Буало (*Le lutrin*) и п. Красицкому (Монахомахія). Уже въ этомъ юношескомъ опытѣ, котораго впоследствии

стыдился онъ самъ, много поэтическаго задору: въ посвященіи Красицкому онъ ставитъ себя выше современныхъ ему польскихъ поэтовъ, которые, по его словамъ, пишутъ прозою, и жалуется, что даже почтенныя камергеры (Трембецкій?) пишутъ стихи. Когда-же самъ сталъ камергеромъ, нисколько не стѣснялся писать грязныя стишки и стихотворныя пасквили. Для него не было ничего святаго, и онъ съ свойственнымъ себѣ цинизмомъ издѣвался надъ всѣмъ и надъ всѣми: онъ не щадилъ ни заслугъ, ни ума, ни общественнаго положенія, ни пола. Онъ осмѣялъ четверговые обѣды, и даже на короля — своего благодѣтеля написалъ извѣстный пасквиль по случаю сооруженія памятника Яну Собѣскому: «Сто тысячъ на памятникъ! Я далъ-бы дважды столько, когда бы Станиславъ окаменѣлъ, а Янъ ожилъ». За злостныя сатиры и эпиграмы онъ подвергся всеобщему преслѣдованію, а послѣ своей политико-сатирической Екатериноиды, въ которой самымъ циническимъ образомъ оскорбилъ высокопоставленныя особы, долженъ былъ бѣжать за границу — съ десятью тысячами дукатовъ, выигранными въ карты на балу у гетманши Огинской. Но приключенія въ Варшавѣ не образумили его: находясь въ Лондонѣ, онъ впалъ въ долги; лично знавшій его, принцъ Вэльскій (впоследствии король Георгій IV) выручилъ его изъ бѣды, и въ благодарность за это Венгерскій написалъ на него злую сатиру, послѣ чего долженъ былъ бѣжать изъ Англіи во Францію, гдѣ жилъ на выигранныя въ Лондонѣ деньги (нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ). Распутная жизнь была причиною ранней его смерти: онъ умеръ въ Марсели въ 1787 году на 32 году отъ рожденія.

Что далеко онъ не былъ добрымъ, честнымъ малымъ, какъ называетъ его г. Спавичъ, видно еще изъ слѣдующаго. Въ посланіи къ Бѣлинскому онъ ясно высказалъ свой взглядъ на жизнь, свои стремленія и желанія: «Вотъ ужъ я началъ пятый люстръ, а еще не испробовалъ ничего хорошаго на свѣтѣ. Старше меня годами былъ великій Цесарь, когда плакалъ, что еще не былъ владыкою міра. Подобныя скорби, конечно, меня не тревожатъ: я хо-

тѣль-бы владѣть не міромъ, а только хорошей деревушкой. Счастливъ, кому дѣды за сало и крупу, скупю живучи, собирали грошъ по грошу: онъ радуется, что они держались такого ремесла, а не оставили ему въ наслѣдство булавы (гетманскія) и кресла (въ сенатѣ)... Что касается меня, то когда бы получилъ, пока еще я молодъ, хорошее наслѣдство отъ родителей, никогда не искалъ бы я никакихъ должностей»...

Что же бы онъ сдѣлалъ?— Жилъ бы эпикурейцомъ и атеистомъ и прежде всего посѣтилъ бы дивный Парижъ и Швейцарію родину Руссо и мѣсто жительства Вольтера. Но, къ сожалѣнію, средствъ не было, и пришлось жить циникомъ на варварской родинѣ. А средствъ къ привольной жизни онъ добивался: иначе не заискивалъ-бы милостей короля (въ предисловіи къ переводу Пигмалиона Ж. Руссо), не низкоповлонничалъ-бы передъ Красицкимъ и Трембецкимъ, между которыми, по его словамъ, геній подѣлилъ свои дары.

Для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній особенно любопытно начало посланія Венгерскаго къ Трембецкому: «Ты, чье чело увѣнчано безсмертнымъ лавромъ, не переставая сидѣть на престолѣ Парнаса, освящаешь мракъ дѣяній, дая нашъ народъ лучемъ новаго свѣта. Скажи, какими чарами, какими способами, зависть никогда не можетъ коснуться твоей особы? И хотя слава возвысила твое имя, никогда завистливыхъ око на тебя не прищурится... Не къ каждому одинаково милостива фортуна: и искалъ славы, тебя-же слава искала».

Въ другомъ посланіи Венгерскій называетъ Трембецкаго соловьемъ, пѣнію котораго напрасно стараются подражать другія птицы: «Тебѣ, поэтъ славный умомъ и вкусомъ, надлежало родиться при римскомъ Августѣ; но милостивая фортуна, желая почтить его сверстника, перенесла тебя во времена Станислава. Кто-жъ лучше тебя споетъ сельскую пѣсенку или съиграетъ на лирѣ? Наслѣдникъ Горація, ты равняешься въ сладости съ Теоокритомъ. Многіе

лѣзутъ за тобою по скользкой дорогѣ, но обрываясь, въ своемъ паденіи становятся посмѣшищемъ». Далѣе Венгерскій говоритъ, что онъ у подошвы Парнаса собираетъ благовонныя фіалки для вѣнка Трембецкому, который на быстролетномъ Пегасѣ паритъ надъ облаками, прибавляя: «я, слабый, вскорѣ дойду до желаемой цѣли, когда ты увидишь меня въ числѣ пѣшихъ поэтовъ (gdy między piechotnemi zliczysz mię Poety)».

Какъ странно слышать подобную лесть изъ устъ Венгерскаго, говорившаго, что современныя ему польскіе поэты пишутъ прозою!

Также льстилъ Венгерскій Нарушевичу и нѣкоторымъ польскимъ панамъ въ ожиданіи отъ нихъ милостей; но, какъ самъ говоритъ въ посланіи къ камергеру Войничъ, старостѣ станиславовскому, фортуна ему не благопріятствовала, и ему оставались одни только желанія.

Передъ смертю Венгерскій созналъ свою ничтожность и въ своемъ дневникѣ написалъ слѣдующія строки: «Я долженъ умереть... по собственной винѣ, не возбуждая ни въ комъ слезы сожалѣнія, забытый самыми близкими знакомыми, не оказавъ ни малѣйшей услуги отечеству, человечеству, роднымъ».

Съ Нарушевичемъ и Красицкимъ Трембецкій былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, какъ видно изъ его посланій къ нимъ.

Нарушевича Трембецкій хвалитъ, какъ поэта, но преимущественно, какъ польскаго историка. «Зная прошлое, ты предвидишь будущее», говоритъ поэтъ въ посланіи 1777 года. Позже, въ 1787 году, когда Нарушевичъ сопутствовалъ королю въ его Канѣвскомъ путешествіи, Трембецкій писалъ ему: «Преосвященный бискупъ, не скоро Литва найдетъ подобныхъ тебѣ писателей; на пользу земляковъ ты переводилъ прекрасныя творенія эллиновъ (Анакреона); ты искалъ безсмертныхъ лавровъ, подражая великому лирику (Горацію); благодаря тебѣ, мы узнали достовѣрнаго историка, опытнаго философа, Корнелія Тацита. Привыкши къ такимъ блестящимъ образцамъ, ты превенствуешь въ прозѣ, забавляешь въ стихахъ. Ты оставляешь на память потомкамъ дѣянія

нашихъ вождей, ставя въ примѣръ достойныхъ, защищая невинныхъ... Ты охотно посвящаешь (историческимъ розысканіямъ) свободное время днемъ, часто присоединяя безсонныя ночи; тебѣ не по чемъ моли, пыль, потеря времени, утрата зрѣнія, лишь бы только ты открылъ болѣе достойныя вниманія дѣянія предковъ!»

Изъ этихъ словъ видно, что Трембецкій не высоко ставилъ Нарушевича, какъ поэта (писалъ онъ для забавы); выше цѣнилъ его, какъ переводчика Анакреона и Тацита; но, какъ перваго критическаго историка Польши онъ превозносилъ, и вполне справедливо: Нарушевичъ не былъ поэтомъ, хотя писалъ сатиры, весьма любопытныя для характеристики польскаго общества того времени; какъ историкъ, онъ можетъ быть сравненъ съ нашимъ Карамзинымъ. И такъ, не даромъ хвалилъ его Трембецкій: въ его словахъ нѣтъ и тѣни лести, хотя бискупъ Нарушевичъ былъ довѣреннымъ лицомъ у короля. Можно сказать даже больше: Трембецкій, какъ истинный поэтъ, не признавалъ за Нарушевичемъ поэтическихъ дарованій, и былъ правъ.

Въ посланіи къ Красицкому, по случаю его пріѣзда въ Варшаву въ 1782 году, Трембецкій хвалитъ его за умъ, благородный характеръ и поэтическій талантъ. «Не ты гоняешься за славою, а слава за тобою», говоритъ поэтъ, прибавляя, что онъ не въ состояніи достойно выхвалить его дѣянія. Въ другомъ посланіи, написанномъ двумя годами позже, когда Трембецкій гостилъ у Красицкаго въ Гейльсбергѣ, читаемъ: «Князь, знаменитый потомокъ знатнаго дома, которому ты принесъ больше славы, чѣмъ получилъ. Любящій отечество и взаимно любимый, за чѣмъ нужно искать тебя за роднымъ краемъ (Красицкій, епископъ вармійскій, жилъ въ той части Польши, которая по первому раздѣлу отошла къ Пруссіи)? Твоему приговору одинаково подчиняются обѣ стороны, хвалилъ побѣждающій, хвалилъ побѣжденный, ты, за разъ вмѣщающій въ себѣ столь различныя дары, распространяя свѣтъ разума, не ослабляя вѣры. Ты былъ сильною опорою польской церкви, украшеніемъ сената, вѣрнымъ

совѣтникомъ короля. О, какое тяжелое воспоминаніе поражаетъ мое сердце: польскою неурядицею пользовались корыстные сосѣди. Они подѣлили между собою наши земли, и взятіе тебя мы считаемъ четвертымъ раздѣломъ Польши. Хотя ты, пастырь, долженъ съ твоею паствою жить въ отдаленной янтарной странѣ, будь другомъ той, которая произвела тебя на свѣтъ, пусть твои земляки гордятся твоими дѣяніями. Они съ сильною жаждою желаютъ упиться пѣснями, въ которыхъ ты соединяешь пріятное съ полезнымъ; вѣдь, твою голову украшаетъ цвѣтъ зеленый, болѣе славный, чѣмъ пурпуровый. Ты при нашемъ Августѣ далъ первые примѣры благороднаго искусства писать съ умомъ и вкусомъ. Этотъ правитель, надѣдая свое государство даровитыми людьми, умѣлъ тебя найти, а иныхъ создалъ. Каждое твое выраженіе всегда значить много, и бѣдныя твои подражатели остаются въ отчаяніи. Напрасно ихъ перо силится сравняться съ твоимъ: была тысяча поэтовъ, а Виргиній одинъ... Ты настоящій нашъ Парнасъ, наши Гипокрены, тутъ (въ Гейльсбергѣ) слывуть свою плодотворностью прелестныя Камени»...

Биографъ Красицкаго, Юліанъ Бартошевичъ говоритъ, что Трембецкій въ этомъ посланіи былъ истолкователемъ всеобщихъ чувствъ цѣлаго края. И дѣйствительно, какъ человекъ и какъ поэтъ, Красицкій пользовался всеобщою любовью и вполне заслуженною славою. Богатый аристократъ по происхожденію (съ XVII вѣка Красицкіе были графами Римской имперіи), воспитанникъ Италіи, Игнатій Красицкій былъ любимцемъ Станислава Августа: ему еще не было 30 лѣтъ отъ роду, какъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ малопольскаго суда; 31 года онъ уже былъ бискупомъ вармійскимъ и почти удѣльнымъ княземъ (съ 1766 года) и цѣлыхъ 30 лѣтъ занималъ этотъ важный постъ; въ качествѣ вармійскаго бискупа, онъ засѣдалъ въ польскомъ сенатѣ и присутствовалъ на варшавскомъ сеймѣ 1768 г., когда разошелся съ королемъ въ политическихъ взглядахъ и потому удалился въ свою резиденцію Гейльсбергъ; ставъ, по первому раз-

дѣлу Польши прусскимъ подданнымъ, онъ пользовался любовью и уваженіемъ Фридриха Великаго, въ угоду которому написалъ сатирическую поэму «Монахомахія», въ которой осмѣялъ польскихъ ораторовъ. Преемникъ Фридриха Великаго, Фридрихъ-Вильгельмъ назначилъ Красицкаго архіепископомъ гнѣзненскимъ (въ 1795 году). Черезъ шесть лѣтъ послѣ того онъ умеръ въ Берлинѣ, на 66 году отъ рожденія.

Красицкій былъ аристократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: соединяя съ изящными великосвѣтскими манерами тонкій и наблюдательный умъ и высокое образованіе, онъ былъ душою высшаго польскаго общества. Какъ баснописца и сатирика, его ставятъ на ряду съ Лафонтеномъ, Гораціемъ и Ювеналомъ: въ его басняхъ и сатирахъ вѣрно изображены современные ему типы польскаго общества съ ихъ недостатками и пороками, съ ихъ воззрѣніями на животрепещущіе вопросы того времени. Его сатира поучаетъ, а не оскорбляетъ, или, какъ самъ онъ выразился, «сатира говоритъ правду, не обращаетъ вниманія на личности, уважаетъ санъ, чтитъ короля, но судитъ челоуѣка». Языкъ, стихосложеніе и поэтическіе образы въ его басняхъ и сатирахъ такъ изящны, что самое щекотливое ухо не будетъ ничѣмъ оскорблено. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ противоположность Венгерскому.

Поэмы (Мышеида, Манохомахія, Антимонахомахія) и повѣсти (Приключенія Досвятчинскаго и Панъ Подстоличъ) Красицкаго въ художественномъ отношеніи несравненно ниже его сатиръ; но въ нихъ мы видимъ вѣрное изображеніе польскаго общества того времени, изъ нихъ мы узнаемъ политико-соціальныя идеалы поэта.

Польскіе критики причисляютъ Красицкаго къ міровымъ поэтамъ, подобно Данте, Кальдерону, Шекспиру. Не раздѣляя такого высокаго ихъ мнѣнія о Красицкомъ, мы считаемъ его лучшимъ представителемъ Польши XVIII вѣка, замѣчательнѣйшимъ польскимъ сатирикомъ того времени. Будемъ-ли послѣ этого удивляться, что современники сравнивали его съ Гомеромъ и Виргиніемъ и называли его безсмертнымъ

поэтомъ. Дмуховскій говоритъ: «Въ твоихъ произведеніяхъ останется память по Польшѣ, ихъ прелесть будетъ питать внуковъ: погибли греки, погибли римляне, но вѣчно живутъ Гомеръ и Виргиній». По словамъ Венгерскаго, Красицкій будетъ жить вѣчно въ своихъ произведеніяхъ.

Для характеристики литературныхъ отношеній Трембецкаго важны четыре сатиры: Противъ пасквилей, Antidotum, Ioannes Sarcasmus и Do fijakrow.

Первыя двѣ сатиры написаны въ 1790 г., когда въ Варшавѣ слишкомъ размножилось пасквили.

«Что нынѣ воспламеняетъ васъ къ писанію злыхъ виршей? скажите римоплеты, достойныя Ясной горы и Сокала. Злоба или месть? ибо могу впередъ сказать, что не воспламенилъ васъ правитель мудраго Парнаса, ни музы сладкой Сафо, ни Горація, а скорѣе Вельзевулъ иль подлая душа. Зачѣмъ не возьмете въ руки сабли вмѣсто пера, если природа отказала вамъ въ своихъ дарахъ? Или зачѣмъ не одѣнете грозной пороховницы, если не имѣете университетскихъ дипломовъ и правъ. Оставьте счастливымъ Парнасъ съ его богами, ибо до него не найдете дороги, или увеличьте пока еще слабый талантъ, а не квакайте такъ громко лягушки Геликоны. Сидите себѣ спокойно и смотрите изъ далека на источникъ, грязь котораго только на васъ стекаетъ. И такъ, совѣтую вамъ бросить полное яду перо, которое гнется подъ стихомъ и идетъ въ разрѣзъ съ природою. А если когда возьметъ васъ охота писать, пусть блугоразуміе съ правдою украшаютъ ваши мнѣнія; пусть вамъ надменный духъ не говоритъ нахально, чтобы не навлечь на себя мести сосѣда, и пусть посовѣтуется съ сердцемъ и силами своими, прежде чѣмъ вонзитъ зубъ бѣшенства въ чужой домъ... Вѣдь, это признаки бѣшенства и болѣзни мозга—чернить углемъ злой славы первыя особы, величіе имени которыхъ слѣдуетъ чтить по занимаемымъ ими въ государствѣ должностямъ; а вы, проповѣдники доблестей, сами создаете въ нихъ пороки; а вы вмѣсто того, чтобы указывать на ихъ дѣянія, хотѣли бы уничтожить въ

СТАНИСЛАВЪ ТРЕМБЕЦКІЙ.

Съ литографіи Р. Вебера, рис. на камнѣ Д. Труновъ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ, Т. II 1878.

Дозволено цензурою 28 авг. 1878.

Хромолитографія В. И. Граціанскаго, Невскій пр., № 46.

<http://rcin.org.pl>

нихъ даже самолюбіе. Но мало того, что, нахальные маральщики, вы, омакали вашу кисть въ источникѣ плутовства, что вы изъ злобы осмѣлились напасть на бдительныхъ стражей права и свободы: изъ любви къ клеветѣ, вамъ нужно было еще съ факеломъ искать морщинъ и пятенъ на чужомъ лицѣ, нужно было вамъ, безстыднымъ хранителямъ преступленій, осушить ваши чернильницы на вѣжномъ полѣ и наконецъ съ злостною мыслию перенести въ Польшу грѣхи всѣхъ странъ съ вѣкомъ Агриппины»... Поэтъ заключаетъ воззваніемъ къ польскому обществу объ изгнаніи изъ Варшавы сочинителей пасквилей.

Въ другой сатирѣ «Antidotum» поэтъ называетъ пасквилистовъ, не щадившихъ ни пола, ни общественнаго положенія, измѣнниками, негодаями, псами, лающими изъ подъ забора, по джавъ хвостъ. «Какія грязныя и невѣдомыя тучи я замѣчаю. Какъ градъ летятъ пасквили, обитальянились мазуры! Со временемъ эти писаришки дойдутъ до того, что будутъ вонзать кинжалы въ братскія плечи... Жалѣю васъ, грязныя и укрывшіеся дьячки, ваша дорога ведетъ къ коламамъ и къ петлямъ (къ смертной казни). Ваши поступки подлы, а души ничтожны... Возрождается отечество, возродитесь и вы: вступите на честную дорогу».

Въ этомъ же духѣ написано сатирическое посланіе къ наемнымъ экипажамъ (Do fajakow), въ которые удобнѣе всего подбрасывать пасквили, желая, чтобы они, какъ можно скорѣе, разошлись по городу. «Царствуй надъ вами темная ночь, угасни солнце, и сонъ, замгнувшій сто очей бдительному Ю путь закроетъ глаза всѣхъ кучеровъ, чтобъ никто меня не замѣтилъ, когда я подбрасываю пасквили»...

Когда на четырехлѣтнемъ варшавскомъ сеймѣ была задумана новая конституція Польши, появилось множество политическихъ брошюръ за и противъ престолонаслѣдія. Взялся за перо и Трембецкій и, какъ сторонникъ короля и прогрессистовъ, осмѣялъ въ сатирѣ «Ioannes Sarcasmus» самыхъ рьяныхъ защитниковъ старыхъ порядковъ.

т. II. 78.

«Принимаю на себя трудъ изложить систему правленія и доказать, что лучше?—имѣть или не имѣть короля; но предварительно рѣшу, что лучше—имѣть или не имѣть въ правленіи перерывы. А такъ какъ уже многіе трудились надъ этимъ вопросомъ, то не постыдимся просвѣтить себя ихъ наукою. Сядемъ и будемъ все читать».

Поэтъ начинаетъ съ сочиненія польнаго гетмана Северина Ржевускаго «О наслѣдственности польскаго престола» (1790 г.), въ которомъ авторъ старался отклонить поляковъ отъ мысли о престолонаслѣдіи:

«Сочиненіе Северина начинается довольно злыми словами: «Uderzmy je o kózko». Человѣкъ, хотъ и гетманъ, когда спитъ или боленъ, находясь въ безсознательномъ состояніи, развѣ можетъ здраво мыслить? Но догадываюсь: этотъ отчаянный энтузіастъ хотеть видѣть деревни въ пламени, города въ развалинахъ. «Тогда только шляхтичъ почувствуетъ свои оковы, когда хлопъ позоветъ его въ судъ». Что же это за Неронъ? Боже мой, какъ легко человѣкъ склоняется къ злему! Отецъ его писалъ набожныя проповѣди и, какъ добрый христіанинъ, внушалъ любовь къ ближнему, а сынъ, какъ злой язычникъ, не хотеть его читать».

Чтобъ понять эти слова Трембецкаго, слѣдуетъ припомнить, что гетманъ Северинъ Ржевускій былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ кутилъ того времени: о немъ рассказываютъ, что онъ пьянствовалъ дни и ночи, что часто приходилъ въ сеймъ прямо съ попойки, облившись для отрезвленія голову холодною водою, и импровизировалъ рѣчи; это—былъ хорошій ораторъ и даровитый публицистъ; въ рѣчахъ, проектахъ, манифестахъ, онъ защищалъ старыя шляхетскія привилегіи и возставалъ противъ освобожденія крестьянъ; онъ поддерживалъ избраніе королей шляхтою, сопровождавшееся обыкновенно буйствомъ и грабжею во время безкоролевья; какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Щеннымъ Потоцкимъ онъ былъ главою Тарговицкой конфедерации.

«А это что за сочиненіе?» продолжаетъ по-

этъ. «Морскій совѣтуетъ ввести престолонаслѣдіе королей. Доводы прекрасныя и сильныя, сочиненіе хорошее, слогъ придворный. Хотя обыкновенно гончаръ не любитъ гончара, хвалю сочиненіе и радъ бы объять сочинителя».

Морскій, котораго такъ хвалитъ Трембецкій, былъ дюжиннымъ публицистомъ, писавшимъ политическія брошюры въ пользу престолонаслѣдія, противъ Россіи и за союзъ съ Пруссіею, отъ которой чаялъ спасенія Польши. Трембецкій, какъ человѣкъ вполне преданный Станиславу-Августу, желавшему установленія въ Польшѣ престолонаслѣдія, похвалилъ Морскаго за то, что онъ поддерживалъ стремленія короля.

«А это кто?» спрашиваетъ поэтъ. «Литовскій референдарій (статсъ-секретарь) ксендзь Гуго», отвѣчаетъ самъ. «Слуга покорный его референдарства. Можно положиться на его оффиціальную опеку. Онъ будетъ совѣтовать намъ любить хлопа, какъ человѣка, или же сдѣлаетъ непотребное мѣщанское предложеніе—переговорить предварительно съ великимъ канцлеромъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ прочесть... Ей Богу, по сердцу онъ Сократъ, а по уму Платонъ. Но правда ли все это? вѣдь нынѣ, г. Коллонтай, въ обычаѣ писать часто мечтанія. Трудно не сказать правды: ты не ошибаешься ни на юту; все сочиненіе дышетъ умомъ, любовью къ человечеству, добродѣтелью, отличается критикою, доводы взяты изъ исторіи народа въ пользу непрерывности королевской власти и противъ безкоролевья. Ты указалъ на правила богатыхъ въ отношеніи къ бѣднымъ—себя ставить выше людей, съ мелкими людьми обращаться хуже, чѣмъ съ скотомъ, выбирать и низлагать королей, ловить крулевщицны (такъ называемыя столовыя королевскія имѣнія, которыя жаловали короли въ аренду оказавшимъ имъ услуги панамъ). О вы, стражи свободы, отцы отечества! Ты былъ правъ, гетманъ (Ржевускій), когда превозносилъ безкоролевья—источникъ вашихъ богатствъ, еслибы не безкоролевья—эти ваши ярмарки, на которыхъ за тронъ покупаете староства, то ты, который называешься теперь паномъ, долженъ былъ бы еще потѣть

надъ дѣдовскимъ ланомъ, еще бы ты умѣлъ цѣнить по достоинству хлѣбъ; сидя на хлѣбѣ, ты такъ лягаешься; хлѣбъ тебѣ приставилъ рога».

Последнія слова, по всей вѣроятности, опять относятся къ гетману Северину Ржевускому; что же касается Коллонтая, то о немъ и его государственной и публицистической дѣятельности намъ извѣстно слѣдующее.

Ксендзь Гуго Коллонтай принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ людямъ Польши конца прошлаго столѣтія. Не смотря на свое мѣщанское происхожденіе, онъ быстро сдѣлалъ блистательную карьеру, благодаря своему уму и учености: 24-хъ лѣтъ онъ былъ краковскимъ каноникомъ, 27—визитаторомъ и реформаторомъ краковской академіи, въ которой произвелъ коренныя преобразованія, 30 лѣтъ былъ ея ректоромъ, а позже помощникомъ канцлера; во время четырехлѣтняго сейма онъ игралъ дѣятельную роль, принадлежалъ къ сторонѣ прогрессистовъ (былъ президентомъ клуба «друзей конституціи») и участвовалъ въ составленіи конституціи 3 мая 1791 г. Писалъ много о необходимости реформъ въ польскомъ государствѣ: защищалъ простой народъ и требовалъ, чтобы законъ ограждалъ его человѣческія права, возставалъ противъ шляхетскихъ привилегій и своеволій, указывалъ на бѣдственныя послѣдствія господства высшаго сословія надъ остальными и проповѣдывалъ престолонаслѣдіе во избѣжаніе смутъ и безкоролевья. Всѣ его сочиненія отличаются глубиной мысли, силою духа и образцовымъ языкомъ. Трембецкій въ своей сатирѣ имѣлъ въ виду преимущественно «Политическое право польскаго народа», изданное Коллонтаемъ въ 1790 г. Основныя мысли этого сочиненія слѣдующія: установленіе прочнаго правительства съ наследственными королями, огражденіе закономъ правъ собственности и личной свободы всѣхъ безъ исключенія гражданъ, одинаково справедливый судъ для всѣхъ. Какъ проповѣдникъ идей противныхъ польскимъ магнатамъ, какъ человѣкъ гордый и честолюбивый, онъ имѣлъ много вра-

говъ, а потому похвалу ему слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу аристократу Трембецкому.

«А это кто?» продолжаетъ поэтъ... Войтѣхъ Турскій... А какое заглавіе сочиненія? О томъ, о томъ и о томъ... Не шутка... что-то много... Болванъ! одинъ съ тобою дружень, другой тебѣ боится, третій тебѣ избѣгаетъ, четвертый тебѣ преслѣдуетъ, пятый передъ тобою преклоняется, шестой стоитъ передъ тобою гордо; часто одного вмѣстѣ съ тобою вздуютъ, а другому такъ пройдетъ... Во имя Отца и Сына... вижу, этотъ человѣкъ глупый... Управляющій, безъ сомнѣнія, страшенъ потому, что имѣетъ въ своей власти ногойку, колодку и кандалы. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа: пусть же кто его понимаетъ, читаетъ и слушаетъ. «Присмотримся природѣ всѣхъ вещей: въ ней всѣ бури должны имѣть свой добрый конецъ. Соберутся черныя тучи, трясется гнѣвное небо, лице голубаго Феба покрывается черною сажей, градъ побиваетъ жатву на поляхъ, лѣсъ падаетъ передъ вихремъ, моръ губитъ многочисленныя стада, — но вотъ солнышко выглянуло на свѣтъ Божій, и вылетаетъ Фавоній, переливается соловей, звенитъ жаворонокъ, пастушка бѣжитъ по лужку съ чувствительнымъ пастушкомъ: вотъ образъ безкоролья... Съумазбродъ, онъ въ горячкѣ... Пусть бѣдный женится на дочери богатаго, и такимъ образомъ выведется опасный родъ пановъ. Согласенъ... Есть у насъ пули, перестрѣляемъ королей, тирановъ и пановъ и установимъ консуловъ». Такъ именно и я думаю и чувствую... Да здравствуетъ польскій Гонта! да здравствуетъ римскій Брутъ! Ты у меня первый консулъ, и я, подражая древнимъ, буду носить передъ тобою пукъ розогъ съ топоромъ: подай мнѣ руку консулъ, — сдѣлаемъ шагъ къ славѣ. Но куда ты меня ведешь?—Куда слѣдуетъ... въ исправительный домъ. Тамъ за то, что ты золъ и не имѣешь вкуса во рту, отсчитаютъ тебѣ полнымъ числомъ пятьсотъ здоровыхъ розогъ, а за то, что ты съ злою волею соединилъ глупость, посадятъ тебя за рѣшетку и оголятъ голову».

Войтѣхъ Турскій, котораго съ такимъ цинизмомъ осмѣялъ Трембецкій, былъ камергеромъ

короля. По словамъ одного современника, онъ происходилъ изъ весьма бѣднаго семейства, принадлежалъ къ самымъ отчаяннымъ мутителямъ общественного порядка и изъ корыстныхъ и честолюбивыхъ видовъ рѣшался на всякую подлость. Безстыдною лестью онъ добился камергерскаго ключа. На четырехлѣтнемъ сеймѣ онъ игралъ грязную роль обвинителя Понинскаго. Его бурная и высокопарная рѣчь по этому поводу, признанная образцовою его товарищами по массонской ложѣ (Варшавской Восходъ; въ ней онъ достигъ седьмой степени совершенства) и поэтою напечатанная, вызвала съ ея стороны похвальный гимнъ, характеризующій какъ Турскаго, такъ и самую ложу:

«Бросимъ спокойные молотки великой мастерской, и дадимъ знать о себѣ свѣту римскими кинжалами: для насъ не можетъ быть благороднѣйшей цѣли строенія, какъ снять съ шей гордые головы измѣнниковъ. Камергеръ! только три удара—и Польша будетъ освобождена отъ поколѣнія Силлы».

Представляя въ такомъ позорномъ видѣ Турскаго, Трембецкій заимствуетъ главныя положенія изъ его брошюры, написанной въ угоду гетману Ржевускому, о гетманской власти, *liberum veto* и избраніи королей шляхтою. Какъ защитникъ сукцессіи, Трембецкій былъ литературнымъ противникомъ Турскаго, стремившагося поддержать старые порядки съ избирательною монархіею и безкорольемъ, во время котораго паны торговали польскимъ престоломъ.

Въ числѣ стихотвореній Трембецкаго есть два, изъ которыхъ видно, что онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ придворному поэту Чарторьскихъ, Франциску Княжнину: въ одномъ изъ нихъ онъ хвалитъ Княжнина за его умѣренность, за то, что онъ не увлекался ни дружбою, ни враждою; другое написано по случаю представленія въ знаменитыхъ Пулавахъ оперы Княжнина «Мать Спартанка», въ которой выведено на сцену семейство Чарторьскихъ, «унаслѣдовавшихъ отъ предковъ великіе замыслы», по словамъ нашего поэта.

Представивъ, на сколько было намъ возмож-

но, отношенія Трембецкаго къ современнымъ ему польскимъ литературнымъ дѣятелямъ, постараемся на основаніи его-же произведеній очертить его политическія связи и изложить его политическія убѣжденія. Начнемъ съ короля.

Въ одѣ по случаю годовщины избранія въ короли Станислава Августа, Трембецкій излагаетъ вкратцѣ его біографію, указываетъ на его заслуги для государства до избранія въ короли и перечисляетъ предпринятые имъ за тѣмъ государственныя реформы:

«Первыя его склонности еще въ дѣтскомъ возрастѣ указали на его государственныя способности. Онъ предчувствовалъ свою великую судьбу, и геніальное дитя почти съ пеленокъ полюбило высшія занятія: онъ измѣрялъ границы царствъ, наблюдалъ небесныя свѣтила, зналъ иностранныхъ народовъ языки, дурныя и хорошія качества, а изучая съ раннихъ лѣтъ дѣянія міра, старался усвоить себѣ достойное и остерегался позорнаго; не находя удовольствія въ дѣтскихъ играхъ, онъ пускался въ извилистый лабиринтъ управленія людьми. Его воспитаніемъ руководилъ дядя, котораго въ кругу политиковъ ставятъ между Ришелье и Вальполемъ. Потомъ онъ предпринялъ путешествіе по дивнымъ землямъ и морямъ, усовершенствуясь въ искусствѣ дѣлать счастливыхъ. Гдѣ только онъ ставилъ ногу, вездѣ его любили, радушно принимали, съ сожалѣніемъ съ нимъ разставались. Отправленный къ иностраннымъ державамъ въ знатномъ санѣ, онъ оказалъ большія услуги государству. Зная, что онъ готовъ жить и умереть для отечества, мы по его возвращеніи поставили его надъ собою.

«Бывшія въ пренебреженіи и ставшія добычею моли, умныя книги появились на золотомъ коврѣ (на королевскомъ столѣ). Горячее желаніе возбуждаетъ дальновиднаго государя къ спѣшному леченію устарѣлыхъ язвъ государства. Ради блага общества, онъ ограничилъ власть, могущую только вредить, а не помогать. Онъ расплавилъ всякій хорошій металлъ, изгнавъ фальшивыя знаки мнимыхъ богатствъ (фальшивую и недоброкачественную монету). Вскорѣ въ судахъ заведена справедливость и

сутягамъ отнята возможность проволочки процессовъ. Хорошимъ обезпеченіемъ финансовыхъ чиновниковъ онъ прекратилъ казнокрадство и тѣмъ самымъ значительно облегчилъ ихъ совѣсть. Во время мира думая о войнѣ, онъ снабдилъ опустѣвшіе арсеналы дорогимъ оружіемъ. Ежедневно съ ревностью заботясь о народномъ благѣ, онъ основалъ благородное гнѣздо военнаго искусства (кадетскій корпусъ въ Варшавѣ), гдѣ юношество, подъ бдительнымъ надзоромъ, пріучается тою же самою рукою ловко владѣть оружіемъ и перомъ. Онъ побуждалъ гражданъ, желающихъ корысти, стремиться въ храмъ Минервы путемъ высокихъ почестей. Желая сократить издержки, попусту насъ разоряющія, онъ даетъ рѣдкій примѣръ бережливости въ одеждѣ. Кто поставилъ себѣ цѣлью правиться ему, тотъ долженъ рекомендоваться самимъ собою, а не нарядами. Тѣхъ, кто можетъ полезно служить отечеству, онъ найдетъ въ любомъ нарядѣ и съумѣетъ ими воспользоваться.... Щедрая къ нему фортуна помѣстила великій умъ въ прекрасномъ тѣлѣ. Она надѣлила его краснорѣчіемъ, какого не бывало въ римскомъ сенатѣ, челою, полнымъ мудрости, полнымъ царскаго величія. Не одинъ, извѣстный индѣ краснорѣчіемъ и высокоуміемъ, сталъ предъ его лицомъ съ тихою покорностью. Готовый за него смѣло броситься въ ряды враговъ, будучи проникнутъ почтеніемъ, казался тревожнымъ и тупымъ. Гдѣ же было это величіе, когда святотатственно похищенный тайными и порочными негодяями, подосланными дикою сволочью, онъ былъ влекою по болоту — одна нога въ башмакѣ, другая въ чужомъ сапогѣ? Въ то время ночь, раскрывъ свой бурый плащъ, незамѣтно покрыла все лице природы; но лишь только мѣсяцъ блеснулъ серебрянымъ рогомъ, тотчасъ дикая толпа скрылась въ потемкахъ. Самъ коноводъ блѣднѣетъ, мечъ падаетъ изъ его руки, и къ ногамъ монарха онъ приноситъ повинную голову. Король, сожалѣя раскаявшагося разбойника, утѣшительнымъ взглядомъ подкрѣпляетъ наваго силами; сладость усть его, трогающая скалы, возбуждаетъ доблестное чувство въ порочной душѣ, жалостный стонъ

разбойника свидѣтельствуешь объ искренности его раскаянія, и отчаянную руку онъ хочетъ употребить противъ своихъ соучастниковъ. Онъ отваживается противустать ихъ бѣшенству, Августъ сладко засыпаетъ, онъ остается на стражѣ... Чужеземецъ, соотечественникъ и твой недоброжелатель согласны, что ты, Августъ, безмѣрно милостивъ. Эта похвальная милость, доведенная до крайности, часто придаетъ смѣлость отчаяннымъ Кромвелямъ... Ты, претерпѣвши столько обидъ, кормишь еще тигровъ, ласкаешь крокодиловъ. Кто исчислить, сколько разъ простивъ неблагодарнымъ неоднократно смертельныя обиды, ты допускаешь ихъ къ себѣ, удостоиваешь ихъ милости, спрашиваешь ихъ совѣта. Король! моими устами говорить правда,—это твои ошибки. Заранѣе прощая, не дождавшись раскаянія, ты поощрялъ бунтовщиковъ. Какъ добрый отецъ, жалѣя кровь своего народа, ты щадилъ даже тѣхъ, которые покушались на твою жизнь. Защищая ихъ передъ строгостію закона, ты погрѣшилъ неслыханнымъ излишествомъ челоуколюбія. Прицаешь это кто хранить къ тебѣ вѣрность и преданность; но мы знаемъ, что это высшая королевская доблесть. Пусть меньшія украшаютъ иныхъ, это—твое украшеніе: одно такое сердце имѣлъ Богъ, другое далъ тебѣ,—ни люди, ни небо не могли дать лучшаго короля. Когда несправедливо онъ былъ лишенъ небольшихъ доходовъ, и тогда его шкатулка не заперлась для убогихъ. Даже въ стѣснительномъ положеніи онъ раздавалъ должности только людямъ способнымъ: мудрыхъ совѣтниковъ назначаетъ сенаторами, людей мужественныхъ—военачальниками; не дразня злыхъ, онъ дѣлаетъ ихъ безвредными. Мы бѣжимъ съ пустымъ любопытствомъ смотрѣть на французскія моды и итальянскія игрища,—насъ забавляетъ игра и танецъ, а нашъ бдительный правитель старается исправить испорченное вѣками»...

Не смотря на панегирическій тонъ и поэтическія прикрасы, въ этой одѣ много исторической правды: какъ въ общей характеристикѣ, такъ и въ подробностяхъ, она согласна съ сказаніями современниковъ поляковъ и иностранцевъ.

Литовскій стольникъ, Станиславъ Августъ Понятовскій, происходилъ изъ знатнаго шляхетскаго дома, имѣвшаго обширныя родственныя связи. Отецъ его, челоукъ замѣчательный по образованію и уму, былъ любимцемъ и вѣрнымъ слугою Карла XII: по его совѣту, шведскій король, послѣ Полтавской битвы, искалъ убѣжища въ Турціи; побуждаемый имъ, султанъ объявилъ войну Петру I. По смерти Карла XII, онъ сблизился съ Августомъ II, отъ котораго получилъ много милостей. Былъ женатъ на княжнѣ Чарторыской, сестрѣ литовскаго канцлера и русскаго воеводы, князя Августа Чарторыскаго, одного изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей польскихъ XVIII вѣка. Подъ руководствомъ этого дяди и подъ надзоромъ матери, Станиславъ Августъ получилъ домашнее воспитаніе. Одаренный необыкновенными способностями, въ дѣтствѣ онъ чувствовалъ отвращеніе къ играмъ, въ юношествѣ къ пьянству, картежной игрѣ и охотѣ и всецѣло предавался научнымъ занятіямъ: съ особенною любовью онъ занимался философіею, исторіею и литературою; въ математическихъ наукахъ оказывалъ большіе успѣхи, а въ живописи и архитектурѣ эстетическій вкусъ. Еще дома онъ основательно изучилъ, кромѣ роднаго, языки французскій и латинскій; позже онъ научился языкамъ нѣмецкому, англійскому, итальянскому и русскому. По обычаю того времени, онъ довершилъ домашнее воспитаніе путешествіемъ за границу: посѣтилъ Германію, Голландію, Австрію, Францію и Англію. Во время путешествій не только осматривалъ историческія достопримѣчательности и произведенія искусствъ, но также изучалъ иностранныя литературы, облизался съ писателями и учеными, заводилъ связи съ знатнѣйшими европейскими домами. У французовъ онъ перенялъ въ такомъ совершенствѣ утонченное свѣтское обращеніе, что заслужилъ прозвище самаго любезнаго изъ всѣхъ государей. Это искусство прельщать своимъ обращеніемъ пригодилося ему впоследствии, когда онъ былъ польскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины II.

Избранный по волѣ русскои императрицы на

польскій престолъ (1764 г.), Станиславъ-Августъ немедленно приступилъ къ необходимымъ реформамъ государственнымъ и общественнымъ, о которыхъ одинъ изъ его современниковъ, бывший депутатомъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ, такъ отзывался: «По вступленіи на престолъ онъ основалъ военную школу, давно желанную и давно обѣщанную польскими королями; въ ней шляхетское юношество, подъ руководствомъ князя Адама Чарторыскаго, обучалось военному искусству и необходимымъ польскому гражданину наукамъ. Онъ поощрялъ и награждалъ людей ученыхъ, а чрезъ то распространялъ просвѣщеніе въ своемъ государствѣ. Въ его правленіе на воспитаніе юношества стали смотрѣть, какъ на одну изъ важныхъ государственныхъ задачъ, а потому была учреждена воспитательная коммисія (komisya edukacyjna), во главѣ которой стояли лучшіе сенаторы и министры; она вырабатывала уставы для училищъ; а преобразованная краковская академія доставляла учителей наукъ и искусствъ. Въ его правленіе стали исчезать ложные предразсудки, заведенъ большій порядокъ на сеймахъ и законъ пересталъ быть мертвою буквою. За убійство нельзя уже было по прежнему откупаться денежною пенею. Перестали насильственные наѣзды на имѣнія, обыкновенно сопровождаемые убійствами, потому что законъ сурово за нихъ наказывалъ. Заведенъ порядокъ въ финансовомъ управленіи, открытъ монетный дворъ. Преобразована система земскихъ податей: вмѣсто прежней незначительной поземельной подати, которую платили только крестьяне, установлены подъемная подать съ крестьянъ и десятина съ помѣщиковъ, что значительно обогатило казну и доставило государству средства для содержанія войска, которое прежде, не получая исправно жалованья, позволяло себѣ насилие. Построены: литейный заводъ, казармы для солдатъ и оружейная фабрика въ Козеницахъ, королевскомъ имѣніи».

Въ дополненіе къ этой характеристикѣ реформъ, произведенныхъ Станиславомъ-Августомъ, можно прибавить, что онъ учредилъ четыре министерства (коммисіи): военное, финан-

совъ, полиціи и юстиціи, — увеличилъ армію, установилъ не существовавшія прежде таможенные пошлины, преобразовалъ городской уставъ и т. п.

Для блага народа король не жалѣлъ своихъ денегъ: основаніе военныхъ корпусовъ въ Варшавѣ и Вильно обошлось ему въ 2.700,000 польскихъ золотыхъ; столько же стоилъ ему монетный дворъ; на литейный и оружейный заводы онъ выдалъ 720,000 и ровно столько же на перестройку королевскаго дворца; на устройство казармъ и варшавскаго кладбища (третью часть расходовъ король принялъ на себя) — 540,000 и т. д. Всего же король выдалъ десять милліоновъ польскихъ золотыхъ изъ собственной шкапулки на государственныя нужды. А сколько онъ расходовалъ на пенсіи родственникамъ, приближеннымъ и довѣреннымъ лицамъ, на единовременныя пособія и т. д.!

Для пользы государства Станиславъ-Августъ столь же мало дорожилъ своимъ временемъ, какъ и своими деньгами: большую часть дня, а во время сеймовъ и цѣлые дни, употреблялъ на совѣщанія съ министрами и иными государственными чинами, на аудіенціи иностраннымъ посламъ; всѣ важныя постановленія и предложенія самъ записывалъ; самъ же велъ обширную корреспонденцію, какъ официальную, такъ и частную. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ польскихъ королей. О своей государственной дѣятельности самъ Станиславъ-Августъ такъ отзывался въ своихъ Запискахъ: «Les idées de réforme, de gloire et d'utilité pour ma patrie sont devenues comme le canevas de tous mes projets et de toute ma vie». Какъ человекъ дальновидный, онъ предвидѣлъ паденіе Польши, если не успѣетъ возвысить королевскую власть надъ сеймомъ: къ этому онъ стремился въ началѣ своего правленія и послѣ перваго раздѣла, но встрѣчалъ непреодолимыя препятствія какъ внутри государства, такъ и извнѣ его.

Станиславъ Августъ умѣлъ узнавать людей и привлекать ихъ къ себѣ очаровательнымъ обращеніемъ. Мягкаго и кроткаго характера, онъ терпѣливо сносилъ самыя жестокия обиды и ни-

когда не мстиль. Безпредѣльная милость и щедрость составляютъ отличительныя черты его характера.

Трембецкій упоминаетъ о похищеніи короля барскими конфедератами въ 1771 году. Объ этомъ такъ рассказываетъ Н. И. Костомаровъ, историкъ «Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой (стр. III)».

«Конфедерация, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству — овладѣть королемъ, котораго объявила лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій (предводитель конфедератовъ) дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковского, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3 го на 4-е ноября н. с. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ въ сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдукъ и нѣсколькихъ человекъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собою по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи... Потомъ короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонтѣ, подъ Варшавою, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу, король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, большая часть заговорщиковъ успѣла отѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ

дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прошеніе. Король обѣщаль. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ».

Такимъ образомъ, въ одѣ Трембецкаго мы не находимъ никакого вымысла, ничего противурѣчающаго исторіи: онъ хвалилъ короля за то, за что хвалили его современники и хвалятъ потомство. Достаточно вспомнить сатирика Красицкаго и лириковъ Карпинскаго и Венгерскаго, которыхъ никто не заподозрѣваетъ въ лести королю и которые, между тѣмъ, относятся къ нему съ большими похвалами. Красицкій въ посвященіи своихъ сатиръ королю говоритъ: «Дѣлай, что можешь, удивляй соседей своими дѣяніями, распространяй науки, подымай падшую торговлю, дѣлай край счастливымъ: хотя знаютъ и чувствуютъ, что ты достоинъ трона, тѣмъ не менѣе, не могутъ забыть, что и ты не королевской крови»... Далѣе онъ укоряетъ короля за то, что онъ слишкомъ добръ и щедръ, и совѣтуетъ ему быть строгимъ и корыстнымъ, потому что его благодѣанія принесли ему только безпокойства и муки; совѣтуетъ ему бросить книги и общество ученыхъ и быть желѣзнымъ королемъ. Карпинскій хвалитъ Станислава Августа за его щедрость и милость къ убогимъ и несчастнымъ, за его ласковое и снисходительное со всѣми обращеніе, сравниваетъ его съ водою, которая для всѣхъ течетъ, съ солнцемъ, которое одинаково всѣхъ грѣетъ и освѣщаетъ. «Король! ты медлителенъ въ наказаніи и скоръ въ помощи: это твои великія доблести, достойныя похвалы». Даже высокоумный и желчный Венгерскій высоко чтитъ Станислава Августа, котораго сравнивалъ съ Пигмалиономъ.

Въ другой одѣ, по случаю посѣщенія королемъ Радома, Трембецкій говоритъ: «Тебѣ мы обязаны просвѣщеніемъ, которому дивятся со-

сѣди, ты даровалъ нашъ внутреннюю безопасность; ты далъ блестящее воспитаніе нашему юношеству... Словомъ, ты насъ научилъ, прославилъ и смягчилъ наши нравы».

Въ посланіи къ Станиславу Августу по случаю ожидаемаго возвращенія его изъ поѣздки въ Малороссію въ 1787 году, Трембецкій, увѣряя короля, что трудное путешествіе, принятое имъ для блага народа, причинившее ему болѣзнь, разсѣяло всѣ клеветы, парализовало всѣ интриги и соединило весь польскій народъ чувствомъ любви и благодарности къ нему, такъ изображаетъ его заслуги для отечества: «Такого расположенія (народа) поистинѣ достойны твои доброта, мудрость, великодушіе и честные замыслы. Когда народъ, зараженный еще роскошью и развратомъ, долженъ былъ терпѣть покаяніе за грѣхи свои и предковъ, милостивая судьба для облегченія его страданій въ столь тяжкомъ положеніи даровала ему лучшаго изъ королей. Ты усмиряешь бури, грозящія намъ гибелью, ты распространяешь воинственный духъ и смягчаешь нравы, ты пробуждаешь вкусъ къ изящнымъ искусствамъ и прибыльнымъ промысламъ, негодные законы замѣняешь похвальными, помогаешь бѣднымъ, награждаешь заслуги, лѣнивый къ наказанію, торопливый въ наградахъ. О, ты достоинъ владѣть этою страной въ лучшія времена! Мы знаемъ, что отъ тебя исходитъ всякое благо, отъ тебя исходитъ свѣтъ, который между нами свѣтитъ и который возвратитъ намъ названіе славянъ. Мы еще виновные дѣти болѣе виновныхъ отцевъ: они были безчестны, мы нѣсколько болѣе дѣятельны; но поколѣніе, воспитанное подъ твоимъ скипетромъ, навѣрно наполнитъ землю памятными дѣяніями. Просвѣщенный твоими стараніями, полякъ умѣетъ предпочитать доблестную смерть ничтожной жизни, — болѣе печется объ умѣ, чѣмъ о тѣлѣ, сокращаетъ часы сна, переноситъ зной и холодъ и учится мыслить. Помѣщая книги въ шкацахъ, гдѣ были прежде напитки, ежедневно въ изобиліи черпаетъ изъ источниковъ разума. Хотя окруженный силою, но полный благоразумія, со временемъ онъ сдѣлаетъ болѣе

справедливыми сосѣдей»... Приглашая короля послѣздить въ столицу, которая безъ него какъ безъ души и ума, и снова припоминая трудности путешествія по Малороссіи, поэтъ продолжаетъ: «Знаетъ край, что ты лишалъ себя необходимаго, чтобы наградить полезныхъ гражданъ и помочь бѣднымъ... Ты намъ привозишь надежду на непрерывное согласіе, которое должно украшать родственные народы. Занимъ виднѣются свѣточичи взаимнаго союза и долгой дружбы. Да будутъ счастливы и намъ и тебѣ задатки постоянной дружбы съ сыномъ безсмертной матери, которая, какъ нѣкогда та... перо останавливается. Хотѣлъ-бы ее сравнить, но исторія не представляетъ ей равной»

Чтобы понять восторженный тонъ этого посланія, слѣдуетъ припомнить, какое впечатлѣніе на короля и его партію произвело Каневское свиданіе: обласканный и обнадеженный императрицею, Станиславъ-Августъ мечталъ въ союзъ съ Россіею возстановить прежнее значеніе Польши и возвратитъ области, отошедшія по первому раздѣлу къ Австріи и Пруссіи. Поэтъ вполне справедливо отзывается о трудностяхъ и неприятностяхъ путешествія короля въ Малороссію: оно было предпринято въ самое неприятное время года (28 февраля король выѣхалъ изъ Варшавы) и продолжался три мѣсяца; семь недѣль король прождалъ въ Каневѣ пріѣзда императрицы, ради того только, чтобы повидать ее въ продолженіи трехъ часовъ, за что заплатилъ слишкомъ дорого, такъ какъ это путешествіе обошлось ему въ три милліона злотыхъ. Екатерина II увѣрила его въ своей дружбѣ и въ своихъ дружелюбныхъ намѣреніяхъ относительно его и Польши, но едва ли связала себя какими либо положительными обязательствами, хотя польскіе историки и увѣряютъ, что въ Каневѣ былъ заключенъ союзъ Россіи съ Польшею. Но если ничего подобнаго и не было, все таки король могъ надѣяться на поддержку со стороны императрицы въ его борьбѣ съ оппозиціею и въ его интересахъ было преувеличить

значеніе Каневского свиданія, въ чемъ могли ему помочь его сторонники, нашедшіе радушный пріемъ при дворѣ императрицы. Отголоскомъ пущеннаго ими слуха о заключеніи союза двухъ родственныхъ народовъ было посланіе Трембецкаго.

Воспоминаніе объ этомъ путешествіи Станислава Августа находимъ еще въ одѣ по случаю прибытія короля въ Сандомиръ въ 1787 г.: «Да здравствуетъ Августъ, правдивый монархъ, драгоцѣннѣйшій изъ небесныхъ даровъ, намилостивѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ королей, полный спасительныхъ предначертаній! Въ суровую зиму ты предпринялъ трудное путешествіе ради нашего блага: ты бродилъ по грядамъ снѣгу, подъ твоими ногами ломался предательскій ледъ. Твоя предусмотрительность—основаніе нашихъ радостей, къ намъ возвращается счастье и золотой вѣкъ начинается. Управляемые мудрымъ скипетромъ, народы будутъ беззаботно покоиться»...

Въ этой одѣ Трембецкій называетъ Станислава Августа «отцемъ отечества».

Въ похвалахъ Станиславу Августу можно допустить увлеченіе Трембецкаго; но что онъ хвалилъ короля чистосердечно и былъ привязанъ къ нему безкорыстно, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ одномъ мелкомъ стихотвореніи Трембецкій говоритъ, «что онъ вѣрнѣйшій слуга короля, ничего у него не просить». Могъ-ли бы сказать подобныя слова человекъ, искавшій королевскихъ милостей? Привязанность Трембецкаго къ Станиславу Августу объясняется сходствомъ ихъ воспитанія и характеровъ и, можетъ быть, также старинною дружбою, которая завязалась между ними въ молодости въ Парижѣ. Эта привязанность была такъ сильна, что поэтъ послѣдовалъ за королемъ въ добровольное изгнаніе въ Гродно и потомъ жилъ при немъ въ С.-Петербургѣ до его смерти. Только смерть разлучила ихъ: онъ поселился въ имѣніи своего пріятеля, Щенскаго Потоцкаго, человека сходныхъ съ нимъ политическихъ убѣжденій, въ знаменитомъ Тульчинѣ (Подольской губ.), гдѣ умеръ отшельникомъ въ 1812 году, 89 лѣтъ отъ роду. Если бы Трембецкій былъ чело-

вѣкомъ честолюбивымъ и корыстнымъ, то онъ легко составилъ бы себѣ блестящую политическую карьеру и хорошее состояніе; но онъ умеръ бѣднякомъ, всѣми забытый или, вѣрнѣе, забывшій всѣхъ, въ обществѣ голубей, въ кормленіи которыхъ находилъ развлеченіе въ глубокой старости.

Переѣздъ Трембецкаго изъ С.-Петербурга въ Тульчинъ, по смерти короля, служить лучшимъ опроверженіемъ обвиненій его въ продажности русскому двору, отъ котораго онъ получалъ будто-бы пенсію. Если бы въ дѣйствительности были таковы его отношенія къ нашему двору, то императоръ Павелъ I, называвшій себя другомъ Станислава Августа, не оставилъ-бы его въ забвеніи, и ему не пришлось-бы искать пристанища у Щенскаго Потоцкаго; но Трембецкій не былъ такимъ, какимъ его представляютъ его клеветники: это былъ человекъ непоколебимыхъ убѣжденій, свѣтлаго политическаго ума и безукоризненно-честнаго характера.

Чистосердечно и основательно полагалъ Трембецкій спасеніе Польши въ искреннемъ единеніи съ Россією. Въ посланіи къ Игнатію Красицкому (1784 г.) онъ говоритъ: «Необходимо посовѣтоваться съ Минервою, которую свѣтъ чтитъ подъ именемъ Екатерины. Она способна залечить прежнія раны. Союзъ съ единоплеменными русскими самый естественный: у насъ одна съ ними кровь, одинъ языкъ, та же крѣпкая натура, та же непоколебимая смѣлость, та же презрѣніе смерти; но долго мы находились въ такомъ ослѣпленіи, что считали доблестью бродить въ братской крови. Онъ (русскій) зазывалъ на насъ нѣмцевъ, а мы на нихъ татаровъ; онъ бралъ въ плѣнъ нашихъ сенаторовъ, а мы его царей. Когда мы недостойно уничтожали себя собственными силами, пришельцы черезъ чуръ усиливались въ нашихъ краяхъ. Пусть забвеніе свалить въ груды старыхъ развалинъ взаимныя наши пораженія. Сохраняя отнынѣ дружбу съ этимъ братомъ, мы дадимъ легкой отпоръ силѣ остальнаго свѣта. Никогда намъ не были страшны мужествомъ тевтоны, распростра-

няющіеся при посредствѣ хитрости, купли и женъ. Одни изъ нихъ еще вчера были нашими данниками, а другихъ мы освободили изъ-подъ топора язычниковъ. Когда мы пали на колѣна передъ ихъ оружіемъ, они усыпили насъ дружбою и сонныхъ обокрали. Они гордятся нынѣ, а народъ отъ рожденія мужественный ради недостатковъ своего правленія кажется немощнымъ: установите болѣе дѣятельное правленіе, это придастъ намъ силы, ночи смѣнятся днемъ, ненастья погодою. Бывшіе высоко очутятся внизу. Судьбы народовъ вертятся на колесѣ фортуны: пусть славянинъ не тратитъ выспренныхъ надеждъ, Августъ бодрствуетъ, а колесо еще вертится».

Ту же самую мысль — о союзѣ съ родственнымъ русскимъ народомъ поэтъ повторилъ въ 1787 г. въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ посланія къ Станиславу Августу и въ 1793 году въ посланіи къ депутатамъ, возвращающимся изъ Гродно: укоряя сеймъ въ томъ, что онъ оскорбилъ императрицу, Трембецкій совѣтуетъ искать примиренія и союза съ нею; ибо «послѣ безчисленныхъ доводовъ никто не сомнѣвается, что мужество—врожденное поляку качество; но не слѣдуетъ отказывать въ равной отвѣгъ русскому, происходящему изъ того-же, что мы, племени; а его страна многолюдная, пространныя, вѣрная монарху, по этимъ тремъ причинамъ имѣетъ несравненное передъ нашею первенство».

Полагая спасеніе Польши въ единеніи съ Россіею, Трембецкій ожидалъ особенно много хорошаго для поляковъ отъ Екатерины II, которою, подобно многимъ своимъ современникамъ, былъ очарованъ. Въ посланіи къ бискупу-историку, Адаму Нарушевичу, возвращавшемуся вмѣстѣ съ королемъ изъ Малороссіи въ 1787 году, онъ пишетъ: «Почитаю Петра, который строгостью и мужествомъ положилъ краеугольный камень могущества своего государства; но на этомъ камнѣ Екатерина, милостиво правящая, соорудила святыню без-

смертной славы. Что великаго опустилъ великій ея умъ? какихъ похвалъ она не заслужила? какой уголокъ свѣта погруженъ въ такой мракъ невѣжества, чтобы не слышалъ о превозносимомъ всѣми ея имени? Она приобрѣла честь отъ живыхъ, приобрѣтетъ отъ потомства, попирая гордость нахаловъ и возвышая смиренныхъ. Въ ея правленіе русскій достигнетъ высочайшей вершины счастья. По морямъ, о которыхъ Римъ не слышалъ, флоты везутъ рѣшеніе судьбы находящагося въ отчаяніи Египта ¹⁾, несутъ помощь войнѣ, вспыхнувшей въ Сиріи ²⁾ съ оружіемъ въ рукахъ навѣщаютъ аркадскія страны ³⁾, вѣяніе этихъ нарусовъ, рычаніе этихъ рудей возбуждаетъ радость въ христіанахъ, трепеть въ бусурманахъ. Не мѣнѣ славы на сушѣ: и старый, и новый союзникъ, никто не измѣнилъ этой монархинѣ. Всѣ желали бы заключить съ нею тѣсный союзъ: Австрія на ней основываетъ свои замыслы, въ союзѣ съ нею венеціанецъ надѣется возвратить утраченное, французъ хочетъ понравиться новыми трактатами, англичанинъ перестаетъ упорствовать. Мы надѣемся, что отъ нея потекутъ намъ цѣлительные бальзамы. Варварскіе тираны лишены опоръ, доблестнымъ даны державы, у вредныхъ отняты ⁴⁾. Поэтому всѣ сосѣди почитаютъ Екатерину, и даже безпокойные шведы принялись за плугъ. Видя возрастающую силу арктуровъ, китаецъ не слишкомъ надѣется на долготу огромныхъ стѣнъ, киргизъ смиренно удаляется съ своими кибитками, персіянинъ безъ ея воли не смѣетъ выбирать своихъ деспотовъ, греки жалуются на иго, въ которомъ едва дышать, и уже висятъ надъ Азіею мстительные перуны. Водворяя согласіе въ Европѣ ⁵⁾, во время войны она Беллона, а во время мира—Паллада. Мы видимъ удивительные плоды ея мудрости: гдѣ были прежде разбои, тамъ процвѣтаютъ академіи. Въ ея правленіе имперія украсилась, усилилась, упрочилась,—она болѣе городовъ построила, чѣмъ Атилла раззорилъ. Болѣе все-

¹⁾ Какъ во время Али-Бега, такъ и теперь освобожденіе Египта зависѣло отъ воли императрицы.

Примѣчаніе поэта.

²⁾ Помощь Шейху Дахеръ.

³⁾ Пелопонезъ.

⁴⁾ Грузія и Крымъ.

⁵⁾ Доказательство—миръ Цѣшинскій.

го увѣковѣчиваетъ добрую память объ ея правленіи — созданіе Херсона у береговъ Лимана. Сказала: «Да будетъ Херсонъ!» и этого было довольно: изъ ничего сталъ городъ многочудный и богатый. О, небо! вѣришь всегда власть милостивой рукѣ, покровительствуй этой монархинѣ, достойной своей судьбы. Изъ ея законовъ видно, что она хочетъ смягчить нравы и желаетъ не наказывать, а предупреждать преступленія. Нѣкогда суровыя зимы, деспотическое правленіе, неблагоприятныя войны выгоняли стаи полуночниковъ изъ собственныхъ гнѣздъ. Нынѣ насталъ иной оборотъ вещей: полуденная стая спѣшить съ увѣренностью на полночь искать счастья. Мягкость правленія этой государыни притягиваетъ къ ней толпы: родину аквилоновъ она сдѣлала раемъ. Желая освободить мирныхъ жителей отъ бѣдствій войны, она премудро придумала вооруженный нейтралитетъ, и, заботясь о всеобщемъ благѣ, она достойна имени заботливой опекуни человѣческаго рода. За ея преуспѣяніе возносятся молитвы, короли и императоры бѣгутъ къ ней на встрѣчу. Весь свѣтъ признаетъ, что въ ряду монархинь не было и никогда не будетъ вышей ей. Счастливейшею минутою въ моей жизни была та, когда, переплывъ Двину¹⁾, я узрѣлъ эту государыню. Съ тѣхъ поръ въ моемъ умѣ на вѣки отпечатлѣлся живой ея образъ. Если только разъ еще ее увижу, то умру счастливъ. При ней была часть великолѣпнаго ея двора; лучшаго выбора нигдѣ нельзя найти: рослые, просвѣщенные, знатные, они соединяютъ версальскую любезность съ воинственностью скивовъ. Какъ величественный кедръ на дамасской горѣ среди яворовъ рѣжетъ облака своею высокою вершиною, такъ благородный Потемкинъ возвышается надъ цѣлымъ дворомъ расположеніемъ государыни, пріобрѣтеннымъ заслугами. Этотъ князь и правитель краевъ Митридата на своихъ плечахъ выноситъ тяжесть російскаго міра. Только блескъ и счастье государства онъ имѣетъ въ виду: туда стремятся

¹⁾ Въ Полоцкѣ и Могилевѣ. Примѣчаніе поэта.

всѣ его помыслы, совѣты, дѣянія. При ней былъ и Румянцевъ, который склонилъ къ ногамъ своей государыни надменные рога полумѣсяца. Ведя трудныя войны въ непріятельскомъ краѣ, онъ получилъ имя отъ покоренныхъ имъ задунайскихъ земель. Скалы Гема задерживаютъ бури небесъ, но этого богатыря не могли задержать. Заперши среди нихъ (скалъ) османскія силы, съ ихъ вершинъ онъ могъ насыпать имъ могилы; но, только погрозивши имъ обнаженнымъ мечемъ, даровалъ побѣжденнымъ жизнь, за которую они трепетали. Ахъ! зачѣмъ я осмѣлился слабымъ перомъ изобразить хотя частицу дѣяній великой Екатерины?»

Было-бы совершенно излишне провѣрять представленную Трембецкимъ характеристику императрицы Екатерины II и ея правленія: вообще, она сходна съ сказаніями современниковъ; если-же замѣчается въ посланіи польскаго поэта увлеченіе, то кто-же не увлекался Екатериною II. Достаточно вспомнить восторженный отзывъ о ней короля Станислава Августа въ его запискахъ; достаточно вспомнить, какъ отзывался о ней другъ Трембецкаго, извѣстный Потоцкій, долго послѣ своего свиданія съ нею въ Кіевѣ (1787 г.): «Что за женщина! восклицалъ онъ, Боже мой! Что это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Трембецкій, быть можетъ, имѣлъ болѣе поводовъ увлекаться русскою императрицею, чѣмъ многіе другіе. Ея дворъ своимъ блескомъ и нравами напоминалъ ему версальскій дворъ, при которомъ онъ провелъ свою молодость, а умѣнье ея обращаться съ людьми, узнавать ихъ съ перваго раза и цѣнить ихъ должны были запечатлѣться въ памяти поэта.

Въ слѣдующемъ (1788 году) въ посланіи къ князю Карлу Нассау-Зигенъ, по случаю побѣды, одержанной ими на Лиманѣ надъ турецкимъ флотомъ, Трембецкій писалъ: «Счастье или скорѣе мудрость Екатерины привлекаетъ къ ней мужей, отличившихся военными подвигами. Можно-ли далѣе довести правдивое ве-

ликодушіе? Ни одинъ изъ монарховъ не имѣетъ болѣе великодушныхъ замысловъ. Ея дворъ, не, какъ нѣкоторые, полонъ праздныхъ людей, а вмѣщаетъ мужей славныхъ дѣятельностію, отвагою и умомъ».

Что не корыстные виды, а искреннее убѣжденіе руководило Трембецкимъ доказываетъ тѣмъ, что до глубокой старости онъ сохранилъ чувства удивленія къ императрицѣ Екатеринѣ и продолжалъ хвалить ее и послѣ ея смерти. Въ поэмѣ Софіевка ¹⁾, написанной имъ въ 1798 году, когда ему было уже 75 лѣтъ отъ роду, читаемъ: «Екатерина, безсмертная своими дѣяніями, уничтоживъ разбои Запорожья и Крыма, доставила каждому безопасность владѣнія его собственностью. Она прогнала варваровъ и край принялъ иной видъ, и обильная земля стала тѣмъ, чѣмъ быть должна. Нынѣ эти поля — кормилицы привлекаютъ къ себѣ черезъ не гостеприимное море тысячи кораблей. Одесса воскресала, и обмѣниваетъ на золото плодъ земли, орошенный потомъ земледѣльца. Вслѣдствіе предусмотрительныхъ мѣръ заброшенные деревушки преобразуются по англійскому и итальянскому образцамъ». А далѣе поэтъ такъ изображаетъ императора Александра I: «Великій монархъ, данный намъ счастливою судьбою, способный однимъ мановеніемъ привести въ движеніе наибольшую часть свѣта, не довольствуясь постоянною заботою о благосостояніи своихъ подданныхъ, надѣляетъ свое государство такою обширною свободою, какой

оно никогда не знало. Подъ его жезломъ все намъ дозволено, исключая только вредить самимъ себѣ и государству. Онъ не довольствуется усовершенствованіемъ военнаго искусства, которое имя Россіи вознесло до звѣздъ: какой народъ и какихъ королей сильная рука не ищетъ нашей дружбы, не боится нашего гнѣва. Онъ не довольствуется тѣмъ, что въ своихъ государствахъ собственнымъ примѣромъ распространилъ похвальные и чистые обычи ²⁾. Онъ не довольствуется тѣмъ, что прославляетъ себя отличными законами, которыми сближаетъ и исправляетъ столь различные народы; никому не отказывая въ отеческомъ попеченіи, онъ еще занялся благомъ простаго народа; заохочиваетъ, не щадитъ старанія и труда, чтобы крестьяне узнали грамоту: когда достанетъ такихъ ключей къ источнику просвѣщенія, и простонародіе научится мыслить трезво». Далѣе поэтъ называетъ правленіе Александра I мудрымъ и милостивымъ.

Однимъ изъ доводовъ въ пользу соединенія Польши съ Россіею Трембецкій считалъ единоплеменность поляковъ и русскихъ, принадлежащихъ къ племени славянъ (Sławakow plemie, какъ онъ выражается). Изъ за этого обвинили его въ славянофильствѣ. На сколько такое обвиненіе справедливо, легко пойметъ всякій, кто не считаетъ русскихъ туранцами. Отчаянные полонофилы забываютъ, что задолго до Трембецкаго были въ

¹⁾ Какъ извѣстно, въ этой поэмѣ описывается Софіевка, садъ, разведенный Щеннымъ Потоцкимъ въ Тульчинѣ для жены его гречанки Софьи. Эта скучная описательная поэма во вкусѣ псевдоклассическомъ считалась въ свое время образцовымъ произведеніемъ. Французскій переводъ графа де-Лагарда съ роскошными рисунками былъ изданъ въ Вѣнѣ въ 1815 году, и всѣ государи, бывшіе на конгрессѣ, подписались на это изданіе.

²⁾ Слова, напечатанныя курсивомъ, опущены въ печатныхъ изданіяхъ стихотвореній Трембецкаго. Мы заимствуемъ ихъ изъ автографа Софіевки, принадлежащаго бібліотекѣ Варшавскаго университета. Не лишнимъ считаемъ привести неизданный польскій текстъ:

Послѣ стиховъ:

Wieiki monarcha, losy dany nam szczęsnemi,
Skinieniem zdolny ruszyć część największą ziemi,
Wъ автографѣ слѣдуетъ:
Nie dość, że swym poddanym stałe zrządza gody,
Państwo to nigdy szerzej nie знало swobody;

Wszystko pod Jego berłem może nam się godzić,
Prócz tylko sobie samym y stanowi szkodzić.
Nie dość, że doskonali Marsowe rzemiosło,
Które imię Rossyi między gwiazdy wniosło,
Któryż dziś lud y których silna królów ręka,
Naszycz nie pragnie sprzyjań, gniewow się nie lęka.
Nie dość że obyczaje chwalebne y czyste,

W swych państwach przez przykłady zaśiał osobiste.
Этотъ автографъ, писанный для графа Потоцкаго, какъ видно изъ помѣтки «Autographe pour S. E. M. le Comte Giroslas de Potocki», достался отъ него майору Мерцелю, который подарилъ его Вацлаву Ржевускому; Ржевускій принесъ его въ даръ Варшавскому обществу любителей наукъ, откуда онъ поступилъ въ главную, а нынѣ университетскую бібліотеку. Поэма озаглавлена такъ: Sophiowka, w sposobie topographicznym opisana wierszem, przez Iana Nepomucena Czyżewicza (псевдонимъ Трембецкаго). Въ концѣ рукописи находится удостовѣреніе Александра Ходкевича, что это автора Трембецкаго.

Польшѣ люди, которые сознавали свое родство съ русскими, и что въ концѣ XVIII вѣка на сеймахъ и въ политическихъ брошюрахъ говорилось, что «Россія происходитъ отъ одного съ нами (поляками) племени и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и правамъ», а потому въ соединеніи съ Россіею предвидѣли счастье обоихъ народовъ». Не тоже ли самое проповѣдывалъ Трембецкій?

Столь же несправедливо обвиненіе Трембецкаго въ томъ, что онъ льстил высокопоставленнымъ особамъ въ Россіи и Польшѣ: изъ русскихъ сановниковъ онъ упоминаетъ только Потемкина и Румянцева въ посланіи къ Нарушевичу (князь Карлъ Нассау-Зигенъ, хотя былъ на русской службѣ, считался польскимъ подданнымъ и былъ женатъ на полькѣ³⁾; изъ поляковъ-же Трембецкій хвалитъ сторонниковъ короля или особъ, отличившихся талантами и патриотизмомъ, хотя бы они были и не аристократическаго происхожденія. Такъ, депутата люблинскаго воеводства, князя Чарторыскаго, онъ хвалитъ за то, что на сеймѣ онъ запрещалъ свободу печати и возставалъ противъ насквильей; по случаю смерти другаго Чарторыскаго, Михаила, великаго канцлера литовскаго (1774 года), онъ написалъ панегирикъ, въ которомъ восхвалялъ доблести покойнаго и его заслуги для отечества, особенно проведенныя имъ на сеймѣ (1764 года) государственныя реформы; князя Казимира Понятовскаго поэтъ хвалитъ, какъ радушнаго и безцеремоннаго хозяина дома и т. д. Опуская стихи, написанныя въ честь мѣнѣ извѣстныхъ лицъ и особенно дамъ, укажу только на посланіе къ кузнецу Ивану Маріанскому по случаю пожертвованія имъ двухъ возовъ для польскаго войска: этотъ Маріанскій, прежде участвовавшій въ бунтѣ ремесленниковъ въ Варшавѣ, послѣ провозглашенія конституціи 3 мая 1791 года, не смотря на свою бѣдность, пожертвовалъ для войска два воза. Этотъ патриотическій его подвигъ хвалитъ Трембецкій въ предлинномъ посланіи, которое

³⁾ Написанный Трембецкимъ стихъ, который пѣли на балу, данномъ въ Гроднѣ въ честь князя Рѣпина, подчиненные ему офицеры, по поводу разнесшагося слуха о близкой войнѣ съ Турціею (1796 г.), нельзя считать вы-

лучше всего доказываетъ безкорыстіе и честность польскаго поэта: какихъ милостей могъ ожидать королевскій камергеръ отъ бѣднаго кузнеца?!

Хваля съ разборомъ, Трембецкій позволялъ себѣ иногда нападать въ острыхъ сатирахъ и эпиграммахъ на лица высокопоставленныя и вліятельныя. Особенно онъ не любилъ гетмана Браницкаго, который, забывъ благодаренія, оказанныя ему королемъ (гетманская булава, огромное старство Бѣлая церковь), интриговалъ противъ него при дворѣ русской императрицы и дошелъ до такой наглости, что на сеймѣ защищалъ друга своего, Понинскаго, обвиненнаго въ казнокрадствѣ и государственной измѣнѣ. Пародируя изреченіе Браницкаго въ его письмѣ къ Понинскому (1775): «Ma ran gozimъ», Трембецкій говоритъ: «У васъ есть умъ: такъ пишетъ министръ Беллоны въ то время, когда Кордоны обогатили нашъ словарь. А кому?—Маршалу конфедераціи на сеймѣ. Адамъ (Понинскій) уменъ, — навѣрно онъ сотретъ съ насъ это пятно позора. Навѣрное у него какая-нибудь счастливая интрига съ Ксаверіемъ (Браницкимъ), у него есть умъ, она насъ смѣло подымаетъ съ упадка. Такъ я думалъ, и каждый началъ имѣть эту надежду: кто же могъ думать, что стовариваются мошенники. У васъ есть умъ, только пусть я владѣю богатымъ Любомлемъ. Но вѣдь Любомль чужой?—что за бѣда! вѣдь у князя Адама есть умъ. Камень-гродъ округлить Бѣлую церковь, —но какъ-же, вѣдь онъ не входитъ въ законное пожалованіе. Отъ чего-же у него есть умъ?—рука руку моетъ, Адамъ великимъ умомъ помогъ Ксаверію, а Ксаверій Адаму, —но укравши богатую добычу, о чудо! —изъ вора Ксаверій сталъ мстителемъ отечества. Хотя прежде можно было ихъ мѣрить однимъ аршиномъ, но теперь нѣтъ: Адамъ узникомъ, а Ксаверій судьей. Адамъ потерялъ, а потому виноватъ, Ксаверій же насбиралъ. Суди жъ скорѣе Ксаверій Адама, вѣдь ужъ пора ему умирать».

раженіемъ чувствъ самаго Трембецкаго. — Въ похвальной одѣ князю Нассау-Зигенъ по случаю его побѣды надъ турками, князь называется знаменитымъ братомъ виновныхъ поляковъ.

Въ эпиграммѣ «Скульпторъ» Трембецкій выставилъ корыстолюбіе Браницкаго.

Изъ другихъ сатиръ Трембецкаго стоитъ упомянуть «Проповѣдь къ проповѣднику», въ которой онъ очень не лестно изобразилъ королевскаго проповѣдника ксендза Виторжинскаго и вообще польское духовенство.

Мицкевичъ называетъ Трембецкаго поэтомъ не народнымъ, не славянскимъ, Крашевскій же напротивъ говоритъ, что онъ былъ до такой степени народенъ, что даже переводнымъ пьесамъ (Вольтера—Блудный сынъ) придавалъ свой собственный колоритъ. Такое противорѣчіе во взглядахъ на направленіе нашего поэта зависитъ отъ возрѣній Мицкевича и Крашевскаго на славянство: подъ вліяніемъ своей фантастической теоріи о дуализмѣ въ славянскомъ мірѣ Мицкевичъ не могъ признать Трембецкаго поэтомъ народнымъ, славянскимъ; Крашевскій, хотя и не расположенный къ Трембецкому, но и не фантазирующій подобно Мицкевичу, не могъ не признать его польскимъ народнымъ поэтомъ: по его словамъ, французскіе образцы, которые были такъ близко знакомы Трембецкому, нисколько не повліяли ни на содержаніе, ни на внѣшнюю форму его произведеній, отличающихся оригинальностью и неподражаемымъ стихомъ и языкомъ. Для насъ важнѣе содержаніе, чѣмъ внѣшняя форма, а изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ стихотвореній Трембецкаго читатель самъ легко усмотритъ, что ихъ содержаніе заимствовано изъ жизни современнаго поэту польскаго общества. Вопросы, волновавшіе это общество, событія, его тревожившія, находятъ отголосокъ въ произведеніяхъ Трембецкаго. Порицая пороки и заблужденія поляковъ, изображая въ мрачныхъ краскахъ состояніе Польши и несчастное положеніе въ ней короля, поэтъ предлагаетъ свои совѣты, указываетъ путь, который можетъ привести, по его мнѣнію, къ спасенію. Читая страстные строки, вылившіяся изъ-подъ пера поэта, невольно чувствуешь, что такъ могъ написать только истинный патриотъ, а не измѣнникъ отечества.

Для доказательства приведемъ еще отрывокъ

изъ посланія къ депутатамъ, возвращавшимся съ гродненскаго сейма 1793 года:

«Депутаты! вы подтвердили нашу гибель въ Гроднѣ. Но я умѣю отличить несчастіе отъ измѣны: одни тамъ подчинились крайней необходимости, другіе бѣжали, чтобы спасти что-нибудь изъ пожара. Отыскивая источникъ бѣдствій, съ печалью нахожу, что виною этихъ ужасныхъ послѣдствій прежній сеймъ (четырёхлѣтній). На немъ засѣдали мужи, известные благородствомъ характера, числомъ вась многочисленнѣе и старательнѣе выбранные; но это почтенное собраніе приготовило намъ горькую чашу, которую нынѣ мы должны выпить до дна: мы не достаточно знали исторію, не помнили примѣровъ, сколько разъ чужеземцы обманывали нашихъ дѣдовъ. Не зная кабинетныхъ интригъ, мы думали, что каждый содрогается при видѣ несправедливости. Полагаясь на собственную правоту, по простотѣ, происходящей часто изъ неискаженной доблести, мы довѣряли всѣмъ; наконецъ, по легкомыслію рѣшились ввѣрить судьбу отечества великодушію италянца»...

Далѣе поэтъ приводитъ вкрадчивыя рѣчи италянца Луккезини, прусскаго посланника, клонившіяся къ уступкѣ Пруссіи Гданска и Торуня и къ заключенію съ нею союза; затѣмъ обращается къ сейму и изображаетъ состояніе Польши и положеніе въ ней короля: «Перемѣнчивый сеймъ усовершенствуетъ свои созданія, попираетъ правительство, законъ и обычай и самъ допускаетъ насиліе надъ собою. Хлопъ призванъ къ ружью, плуги заброшены, и казна, въ надеждѣ будущихъ благъ дѣлаетъ долги. Остатки шляхетскихъ имѣній раззоряются вынужденными пожертвованіями и огромными податями. Старшіе ревностно стараются учить младшихъ, какъ бы задѣть Москву, оскорбить, докучить. Внутреннимъ окомъ они видятъ, какъ саксонцы и пруссаки подъ собственными знаменами стремятся къ военнымъ трудамъ; имъ на яву снится о побѣдахъ, триумфахъ и правѣ побѣдителей, плодѣ новыхъ союзовъ. А что-же вашъ правитель? вѣдь цѣлая Европа не даромъ признала его мудрость. Этотъ правитель,

имѣя слишкомъ ограниченную власть, долженъ исполнять, что хорошо или дурно присовѣтуютъ государственные чины. Отъ повторялъ, что постоянство въ давнишней дружбѣ можетъ наилучше обезпечить нашу цѣлость, онъ зналъ несвоевременность порывовъ, видѣлъ грубыя заблужденія и коварство, возбуждающее романтическія увлеченія. Онъ предсказывалъ, что за ошибочнымъ шагомъ послѣдуетъ страшное наказаніе, но не обращали вниманія на его отеческія наставленія. Въ сеймѣ были слышны непристойные крики, и не тайно продавались угрожающія ему брошюры. Онъ говорилъ къ глухимъ сердцамъ. Было тогда много такихъ, которые имѣли въ виду только личныя свои обиды; и идя кажушимся путемъ патриотовъ, они хотѣли дать почувствовать Москвѣ, что могутъ ей отомстить. О, безсильная месть! твой легкій ударъ можетъ причинить отечеству неизлѣчимыя раны!... Сеймъ, которому опротивѣлъ миръ и сильно хочется войны, который

имѣетъ часть войска въ полѣ, а часть на бумагѣ, не знаетъ, что купленное имъ оружіе кто-то безобразно захватить и прекратить всѣ его займы у отдаленныхъ народовъ. Между тѣмъ Вѣна ворчитъ на эти волненія, которыя могли увлечь менѣе спокойныхъ ея подданныхъ. Уже взялось за оружіе заднѣпровское войско, побѣждавшее вѣка народы по очереди. А новый нашъ пріятель, руководясь расчетомъ, откуда большая ему прибыль, съ нашей-ли силы, или съ погибели, вида въ своей землѣ этихъ семилѣтнихъ гостей, предпочелъ болѣе вѣрную корысть и соединился съ ними, а полякамъ въ награду за ихъ расположеніе изволилъ пожаловать нелестное имя якобинцевъ. Сеймъ въ отчаяніи, что со всѣхъ сторонъ пожаръ, придумываетъ, куда бы свалить всю тяжесть ненависти. Войско небольшое, вчерашнее, а казна пустая: теперь-то наконецъ пора отдать его подъ начальство Августа».

Валентій Макушевъ.

F. 7483

